Пять женщин.
Один дом.
Одна тайна.

САД ИЗ ЧУЖИХ ТАЙН

История о любви, предательстве и справедливости

РОМАН

Валерия Таршилова
Сад из чужих тайн

https://litres.ru/74725122
SelfPub; 2026

Аннотация

Беллмонт — город, где у каждой семьи безупречная репутация, у каждого дома своя история, а некоторые секреты переживают тех, кто их хранил.

Когда умирает Валериан Вейн- богатый, влиятельный мужчина, которого многие уважали и которого его жена боялась — пять подруг решают сохранить правду при себе. У каждой из них была причина желать ему смерти. И у каждой есть тайна, которую она не готова доверить даже остальным четырём.

Но вскоре становится ясно: смерть Валериана ничего не закончила. Он возвращается — в отражениях, старых фотографиях и чужих воспоминаниях. И начинает отнимать у женщин самое дорогое.

Пока детектив ищет ответы, пять женщин пытаются понять, что связывает их с давней историей Беллмонта и почему их предшественницы когда-то заключили договор, о котором город предпочёл забыть.

Это история о дружбе, в которой не всё было правдой, о любви, которую слишком легко перепутать с властью, и о цене молчания.

Валерия Таршилова
Сад из чужих тайн

Сад из чужих тайн

Все победы свои, я тебе посвящаю

2026

Глава 1. «Ночь, когда умер Валериан Вейн»

К тому времени, когда часы в гостиной пробили двенадцать, Валериан Вейн был уже мертв. Он лежал на белом мраморном полу собственной кухни, нелепо раскинув руки, словно человек, который слишком поздно вспомнил, что хотел обнять весь мир. Кровь медленно растекалась под его головой, она казалась почти черной в полумраке.

В городе Бельмонт было приятно считать, что неприятности случаются где угодно, только не здесь. Это было очень удобное убеждение. Оно позволяло дамам в шелковых платьях обсуждать чужие разводы за воскресным ланчем, мужчинам в бузпречных пиджаках- говорить о благотворительности, не вспоминая откуда взялись эти деньги, а детям- расти в уверенности, что взрослые действительно знают, что делают. Дома здесь стояли так близко друг к другу, что соседи могли слышать, как по утрам звенит фарфор в столовой. И так далеко, чтобы никто не слышал криков. Особенно по ночам.

Дом Вейнов был одним из самых красивых. Трёхэтажный,

белокаменный, с черными ставнями и балконами, оплетенными розами. Перед входом рости два старых кипариса, подстриженных в форме свечей. На подъездной дорожке обычно стояли автомобили, которые стоили дороже , чем средний дом в соседнем городе.

В ту ночь на дорожке не стояло ни одной машины. Зато на кухне лежал мертвый мужчина. Он лежал очень тихо, для человека, который при жизни производил столько шума, это было почти неприличным.

Пять женщин стояли подле него. Никто не проворонил ни слезинки. Это, пожалуй, было самым странным. Впрочем, плакать в ту ночь было некогда.

Если бы вы увидели их тогда, дорогой читатель, вам было бы довольно трудно представить, что именно они сделали несколько минут назад. Но, возможно, именно поэтому они и оакхаались подходящими женщинами для этого дела.

Начнем с Вивьен Розье. Вивьен была женщиной, которую невозможно было представить растрёпанной, даже в полночь, даже рядом с трупом. Её темные волосы были собраны на затылке, на губах сохранился оттенок старого вина, а черное платье сидело так безупречно, будто она собиралась не прятать тело, а отправлялась на благотворительный вечер. У Вивьен был прекрасный дом, прекрасный муж, двое прекрасных детей и розарий, которым она заниматься исключительно лично. Она утверждала, что любит розы за их неприхотливость, это была первая ложь, которую она рассказыва-

ла людям.

Сейчас она стояла на коленях возле Валериана и двумя пальцами проверяла пульс.

-

Мёртв,- проговорила она, в полной уверенности.

-

Откуда ты знаешь наверняка?- спросила стоящая рядом женщина.

-

Серафина,- дипломатично проговорила Вивьен,- если ты хочешь сейчас начать философский разговор о природе смерти, я обещаю найти для него более подходящее время.

Серафина Гибсон была единственной женщиной в комнате, которая действительно выглядела так, словно могла совершить убийство. Не потому что, была жестокой. Напротив. Серафина была слишком красивой. У нее были медные волосы, зеленые глаза и привычка смотреть на собеседника так, будто она уже знала, что тот собирается соврать. Она владела рестораном, город любил ее, мужчины особенно. Серафина говорила, что это потому, что она хорошо готовит, разумеется это была ложь. Люди приходили в ее ресторан не только ради еды. Она обладала редким даром заставлять окружающих чувствовать себя интереснее, красивее и опаснее, чем они были на самом деле. Сегодня вечером этот дар ей не помог.

Она осмотрела на собственные руки, на правой руке кра-

совалось кровавое пятно, и обреченно произнесла:

-

Это я его убила.

-

Нет,- спокойно изрекла Вивьен.

-

Я держала кочергу.

-

Это еще ничего не значит.

-

Я ударила его.

-

Один раз.

-

Два,- она буквально срывалась на истерический крик,- ты всегда такая спокойная, Ви.

-

Нет,- выпрямляя свою безупречно ровную спину и невероятно аристократично проговорила Вивьен,- я лишь хорошо воспитана.

У окна стояла Кассандра Бальмонт. Если Вивьен выглядела как женщина, которую пригласили на королевский бал, а Серафина- как женщина, из-за которой бал пришлось перенести, то Кассандра выглядела так, будто вообще не собиралась на него приходить. На ней был изумрудный шелковый халат, ее босые ноги стояли на холодном полу. И смот-

рела она в сад. Кассандра была знаменитостью местного масштаба. Она вела свой блог о светской жизни, имела почти неприлично красивого мужа и двоих детей, которые учились в той самой школе, куда принимали только людей с правильными фамилиями. Кассандра знала, кто с кем спит, кто кому должен, кто собирается разводиться, кто разорён, кто делает вид, что счастлив. И она никогда не ошиблась. К тому же она была правнучкой Эдмунда и Изабель Бальмонт, супругов основавших город, примерно сто двадцать лет назад.

-

Там кто-то есть,- безэмоционально сказала она.

-

Где?- Серафина резко обернулась к окну и пристально попыталась разглядеть что-то в темном саду.

-

Кто?- Вивьен поднялась и подошла к подругам.

Взгляды всех собравшихся устремились в сад. Между цветами ничего не было, только дождь, мокрые ветки, да каменный ангел, который стоял в центре сада.

-

Никого там нет,- Вивьен отмахнулась от подруг и вернулась к телу мужчины.

Кассандра ничего не ответила, лишь потому что прекрасно знала: женщина была. Она просто стояла не в саду, а позади них. Но девушка не спешила обо всем поведать подругам. Некоторые вещи лучше держать при себе, особенно ес-

ли хочешь дожить до утра.

Четвёртой была Элоиза Моро. Ее, пожалуй, меньше всего заподозрили бы в убийстве. Элоиза выглядела так, словно всю жизнь просила прощения у мебели, если случайно задевала ее юбкой. У нее были мягкие каштановые волосы, серые глаза и странная привычка собирать старые вещи, которые люди давно выбросили. Она владела антикварной лавкой. В городе про гнн говорили «Элоиза слишком добра», это тоже было неправдой. Она лишь хорошо умела молчать. Сейчас она стояла у двери и смотрела на происходящее.

-

Надо бы шторы задёрнуть,- молвила она.

-

Зачем?- спросила Серафина.

-

Потому что нас могут увидеть.

-

Занавески уже закрыты.

-

Не все.

Элоиза подошла к последнему окну и задернула тяжелую портьеру. После несколько секунд стояла неподвижно, ей показалось, что из гостиной донесся женский голос, она не разобрала слов, но отчетливо услышала свое имя, от чего вздрогнула.

-

Что с тобой?- спросила Мелисса.

Эллиса повернулась у подруге. Мелисса сидела на полу, самая тихая, самая молодая и самая красивая. И, вероятно, самая несчастная из присутствующих. Мелисса Вейн была женой мертвого мужчины. Ее платье разорвано у плеча, на щеке тёмном синяк, на запястье виднелись следы пальцев. Не трудно догадаться, мой дорогой читатель, что Мелисса была замужем за чудовищем.

И именно потому, что Мелисса выглядела как спасенная жертва, никто не заметил главного. Она смотрела на Валериана с выражением человека, который наконец получил то, чего очень долго ждал, не радость. Радость была бы слишком простой, скорее- облегчение.

Она медленно поднялась, поправила волосы и совершенно буднично изрекла:

-

Нам нужно его спрятать.

-

Мы можем вызвать полицию,- проговорила Серафина уставившись на подругу, взгляд Мелиссы был такой спокойный, что она первая отвела глаза.

-

Можем.

-

Тогда почему не вызываем?

Мелисса медленно обвела взглядом подруг:

-

Потому что тогда начнут задавать вопросы о вас.

Это была очень красивая вещь- заботиться о подругах. Особенно когда никто еще не понимал Мелисса защищала их не только от полиции.

-

Где ты предлагаешь его спрятать?- поинтересовалась Вивьен, ариобримаю подругу за плечи и стараясь хоть как-то закрепить оторванную ткань ее платья.

А потом часы перебили их. Они пробили час ночи.

Один удар.

Второй.

Третий.

И свет погас. В темноте кто-то прошептал: «Наконец-то». Голос был девушкам знаком и каждая приняла его за свою личную галлюцинацию.

А тем временем Валериан Вейн был мертв. По крайней мере, так считали пять женщин в кухне. И почти весь город- еще целых три недели.

В «город» всегда любили говорить, что у каждого дома своя история. У Вейнов она была особенно хороша: богатый муж, красавицы жена, старинный особняк, дорогая мебель, прислуга. Просто идеальная семья. Вот только у идеальных семей есть одна неприятная особенность, они обычно существуют только с той стороны забора, которую видят соседи, а за закрытыми дверями всё может быть совершенно иначе.

Иногда там плачут, иногда лгут, иногда любят. А иногда убивают.

И если вы когда-нибудь окажетесь в Бельмонте, советую не задерживаться у Вейнов после полуночи. Особенно если увидите в окне пять женских силуэтов. Потому что одна уже знает кто умрет следующей.

Глава 2. «Утро перед дождём»

В Бальмонте утро начиналось раньше, чем в большинстве городов, не потому что жители очень трудолюбивый. Просто здесь было принято делать вид, что у них нет времени на сон. В семь утра на Мэдисон- авеню уже стояли черные внедорлжники , у кофейни «August» образовалась короткая очередь из женщин в кашемировых пальто, а возле школы Святой Агнессы молодые отцы высаживали детей изтавтомоьилей стоимостью с небольшую квартиру. На телефонах появлялись первые уведомления «Новости Бельмонта», «Распродажа в бутике», «Ваш еженедельный отчёт о расходах». Город просыпался.

И никто еще не знал, что к полуночи один из самых богатых мужчин будет мёртв. Впрояем, если спросить самого Валериана Вейна, он бы ответил, что день обещает быть великолепным. Он вообще любил хорошие дни, особенно те, которые принадлежали ему.

В 7:18 Валериан стоял перед зеркалом в своей спальне и поправлял галстук. На экране телефона высветилось сообщение от его помощницы, Марианна писала: «Доброе утро.

В 9:30 звонок с Лондоном. В 11:00 встреча с адвокатом. В 13:00 обед с мэром. В 16:30 совет фонда. В 19:00 вы обещали быть дома».

И Валериан ответил: «Я помню». Подумав секунду, удалил и написал «Разумеется». Так было лучше.

Он посмотрел на себя в зеркало. Высокий, безупречный, сорок три года, дорогие часы, темный костюм сшитый в Лондоне по индивидуальному заказу. Он выглядел именно так, как полагалось выглядеть человеку, которому в Бельмонте доверяют деньги и секреты, и конечно же женщины. Валериан улыбнулся своему отражению, но улыбка с его лица исчезла после звука разбившейся чашки.

-

Мелисса,- крикнул он, выходя столовую, но ответа не последовало.

Мелисса стояла на кухне. На прекрасной босой девушке был тонкий кремовый свитер и длинная юбка, образ придавал ей невинности.

На мраморном полу лежала разбитая чашка из нового дорого чайного сервиза.

-

Я случайно,- тихзо молвила девушка.

-

Конечно,- спокойно произнес Валериан, осмотрев её с ног до головы.

Именно спокойствие делало его страшным.

-

Оставь,- остановил он девушку, когда та наклонилась чтобы собрать осколки.

-

Не волнуйся, я всё приберу,- бледнея пробубнила Мелисса.

-

Я сказал- оставь,- Валериан подавлял нарастающую злость, что делало его волком в шкуре овцы.

Мелисса выпрямилась, не поднимая глаза на мужа.

Он взял с кухонного острова ключи и уже возле двери обернулся:

-

И ещё.

-

Да?

-

Сегодня вечером я хочу поговорить и ты знаешь о чем, дорогая.

Дверь закрылась, Мелисса осталась наедине со своими мыслями. Достав телефон, открыла переписку. Имя контакта было сохранено всего одной буквой «К».

-

Он знает,- напечатала Мелисса.

-

Замечательно, - ответил «К».

В 8:03 Кассандра Бальмонт пила кофе на терассе своего дома. Она была в солнцезащитных очках, хотя солнца почти не было. Перед ней лежал планшет, на экране которого была открыта статья, которую она собиралась опубликовать в своем блоге. «Десять вещей, которые делают Беллмонт самым желанным городом для жизни»- гласило название статьи. Первым пунктом стояла архитектура. Вторым — безопасность. Третьим — частные школы. Кассандра задумалась, а потом добавила: «Люди здесь умеют хранить чужие секреты». Она посмотрела на предложение и улыбнувшись не стала его удалять.

-

Ты опять работаешь за завтраком,- Кассандра подняла глаза. Её муж, Александр, стоял в дверях.

На нём была белая рубашка, закатанные рукава и выражение человека, который считал себя достаточно современным для того, чтобы не носить галстук. Александр безмерно любил свою жену.

-

Я не работаю.

-

Конечно.

-

Я развлекаюсь.

-

Ты называешь работу развлечением?

-

Когда за неё платят столько, сколько мне платят, — да.

Александр сел напротив.

-

Сегодня вечером ужин у Вейнов?

Кассандра замерла всего на мгновение, а после ответила:

-

Да.

-

Ты пойдёшь?

-

Разумеется,- с присущей ей утонченностью она ответила ни секунды не колебаясь.

-

Тебе ведь не нравится Валериан,- уточнил Александр.

Кассандра сняла очки и со спокойствием взгляда ответила:

-

Мне не нравится половина людей, с которыми я общаюсь.

-

А вторая половина?

-

Ещё не успела меня разочаровать.

Александр улыбнулся.

-

Иногда мне кажется, что ты вообще никому не доверяешь.

Кассандра посмотрела на него.

-

Я доверяю,- оправдывалась Кассандра.

-

Кому?

Она не ответила. Потому что в этот момент увидела кое-что на стекле двери- кровь. Всего одну каплю. Кассандра моргнула и кровь исчезла. На стекле осталась только утренняя влага.

-

Касс?

Она подняла глаза, тряхнув головой и торопливо ответила:

-

Всё нормально и я доверяю только тебе любимый.

Но день уже изменился, она просто ещё не знала почему.

В 9:47 Вивьен Розье сидела в салоне красоты. Её телефон лежал рядом на мраморной столешнице, когда на экране появилось сообщение.

«СЕРАФИНА: Ты слышала?»

Вивьен ответила: «Что именно?»

«СЕРАФИНА: Про Валериана.»

Вивьен нахмурилась: «Нет.»

Ответ пришёл почти сразу.

«СЕРАФИНА: Он собирается продать ресторан.»

Вивьен улыбнулась: «Это не мой ресторан.»

«СЕРАФИНА: Пока нет.»

Вивьен убрала телефон.

-

Всё хорошо? — спросила мастер.

-

Прекрасно.

-

Вы выглядите немного напряжённой.

Вивьен посмотрела на своё отражение и ответила без доли сомнения:

-

Я всегда выгляжу напряжённой.

-

Это неправда.

-

Тогда вы недостаточно давно меня знаете.

Она закрыла глаза. Телефон снова завибрировал. На этот раз звонила Мелисса. Вивьен ответила.

-

Привет.

В трубке было молчание. Вивьен с подступающей паникой позвала подругу:

-

Мелисса?

Послышался ее тихий и испуганный голос:

-

Ты можешь сегодня приехать ко мне?

Вивьен сразу поняла, что что-то произошло.

-

Конечно.

-

Только никому не говори.

-

Хорошо.

-

Особенно Серафине.

Вивьен открыла глаза и немного нахмерила брови от непонимания:

-

Почему?

Мелисса помолчала какое-то время, а потом сказала:

-

Потому что она слишком быстро злится.

И отключилась.

Серафина тем временем стояла посреди кухни своего ресторана и кричала на поставщика:

-

Я заказала тридцать килограммов белых трюфелей.

-

Были проблемы с доставкой,- поставщик старался справиться с гневным напором, но ему это слабо удавалась.

-

Мне совершенно всё равно.

-

Но…

-

Если к четырём часам их не будет, я куплю их у вашего конкурента.

-

Это невозможно.

-

Почему?

-

Потому что он тоже закупает у нас.

Серафина замолчала. Посмотрела на него и негромко выругалась:

-

Ненавижу монополии.

-

Я заметил.

Она взяла телефон. Три непрочитанных сообщения.

От Кассандры.

От Вивьен.

И от Мелиссы.

Она открыла последнее.

«Мелисса: Сегодня вечером ты придёшь?»

Серафина написала: «Конечно.»

Подумала и добавила: «Что случилось?»

«Мелисса: Хочу, чтобы вы все были рядом.»

Серафина перечитала сообщение.В ней было достаточно здравого смысла, чтобы понять: что-то не так. Но недостаточно осторожности, чтобы остаться дома. И чуть-чуть любопытства.

В 12:16 Элоиза Моро открыла свою антикварную лавку. Колокольчик над дверью звякнул. Внутри пахло старой бумагой, деревом и пылью, все эти запахи обеспеченные люди считали запахом богатства и роскоши. Элоиза любила этот запах, он напоминал ей о вещах, которые переживали людей. И она надеялась, что ее лавка ее переживёт.

Она включила свет. И увидела на прилавке конверт. К ее удивлению без марки, без имени. Она не помнила, чтобы кто-то оставлял его там. Элоиза осторожно взяла письмо.

На конверте было написано: «Э. М.»

Она вскрыла его. Внутри была лишь фотография, старая, чёрно-белая. На ней стояли мужчина и женщина перед первым домом Бельмонта. Эдмунд и Изабель Бельмонт- основатели города. Элоиза знала эту фотографию. Но не знала женщину, стоявшую позади них, молодую, с белыми волосами. Она смотрела прямо в объектив. На обороте было написано: «Пять женщин. Один дом. Один мёртвый мужчина.»

Элоиза перечитала. Её руки задрожали. Потом она перевернула фотографию и увидела дату: Сегодняшняя.

К четырём часам вечера дождь наконец начался. Беллмонт стал серым. Витрины магазинов отражали мокрые ули-

цы. На телефонах жителей появились предупреждения о грозе. Если ты, мой дорогой читатель, думаешь, что из-за дождя город стал неуютным, ты ошибаешься. Таким городкам как Бельмонт идет дождливая погода. Они приобретают черты

Вивьен закончила работу.

Серафина закрыла ресторан.

Элоиза заперла лавку.

Кассандра выключила компьютер.

А Мелисса стояла перед зеркалом в спальне.

Она держала в руке телефон. На экране было последнее сообщение:

«К.: Сегодня ночью всё закончится.»

Мелисса долго смотрела на эти слова. Потом открыла шкаф, достала голубое платье. То самое, в котором через несколько часов её найдут рядом с мёртвым мужем. Она провела рукой по ткани и вдруг сказала своему отражению:

-

Прости меня.

Кого именно она просила о прощении, никто не знал.

Возможно, подруг.

Возможно, себя.

А может быть, человека, который должен был умереть этой ночью.

Потому что иногда самые страшные решения принимаются не в момент ярости.

А утром.

В тишине.

Когда весь мир ещё уверен, что впереди обычный день.

И только один человек уже знает, что к полуночи этот мир станет совершенно другим.

Глава 3. «О чем не принято говорить за завтраком»

В Бельмонте умели переживать скандалы. Не потому, что здесь их было мало,- напротив, за сто двадцать с лишним лет существования города местные семьи успели накопить их столько, что иной городок мог бы существовать на одном только бельмонтском архиве. Просто здесь знали: у каждого неприятного события есть срок давности, а у каждой фамилии- определенная цена.

Скандалы проходили. Фамилии оставались. Поэтому, когда в понедельник утром стало известно, что Валериан Вейн не вернулся домой, никто особенно не встревожился. В конце концов, Валериан был человеком занятым. Он мог отправиться в Нью-Йорк без предупреждения, улететь в Лондон на один день, провести ночь в загородном клубе или запереться в кабинете, выключив телефон, потому что какой-нибудь совет директоров счел необходимым напомнить ему о собственном существовании.

В Бельмонте не исчезали люди. Они просто иногда предпочитали, чтобы их какое-то время не могли найти. И в этом городе разница считалась существенной.

Первой новость услышала Мэрилин Хейл, жена городско-

го судьи.

В 7:42 утра она стояла у окна своей спальни и наблюдала, как садовник подстригает живую изгородь. Ей было шестьдесят два года, она носила жемчуг даже дома и могла определить семейное происхождение человека по тому, как он держит чайную пару.

Завибрировал телефон, лежавший на туалетном столике. Мэрилин прочла сообщение, потом сняла очки и прочла снова. «Валериан Вейн не вышел на связь» гласило сообщение. Она немедленно переслало его трем подругам. Через две минуты новость знали двадцать семь яеловек, а через десять- почти весь Бальмонт. Так работали городские новости, газеты здесь могли позволить себе выходить позже, сплетни- никогда.

В десять утра У Кассандры Бальмонт зазвонил телефон телефон. Она сидела в кабинете расположенном ра втором этаже семейного дома и просматривала фотографии с благотворительного вечера. Дом Бельмонтов стоял на холме. Когда-то здесь был только лес, несколько полей и старая каменная дорога, по которой Эдмунд Бельсонт приехал в эти места со своей молодой женой Изабель. Теперь с холма открывался вид на весь город: белые крыши, шпили, деревья, река. Далеко внизу- стеклянные фасады новых офисных зданий, которые появились здесь в последние двадцать лети, к неудовольствию старших жителей, имели со шком много стали и слишком мало камня.

Кассандра любила этот вид, он напоминал ей, что время может менять все, кроме некоторых вещей.

-

Да?- ответила она

-

Ты слышала?- спросила Вивьен с другого конца.

-

Про Валериана? Да.

-

Мелисса звонила?

-

Нет.

Это была правда, Мелисса ей не звонила. И именно это беспокоило Кассандру. Потому что в обычный день Мелисса отправляла ей сообщения по каждому поводу. «Ты видела новый ресторан?», «Ты знаешь, что у Софи роман с тренером?», «Скажи, пожалуйста, что я не выгляжу ужасно в этом платье». Сегодня же- ничего.

-

Полиция уже приехал,- проговорила будничным тоном Вивьен.

-

В дом?- Кассандра выпрямилась,- А Мелисса?

-

Она дома.

Кассандра на секунду закрыла глаза, ей вдруг стало труд-

но дышать. Перед глазами возникла картинка, не воспоминание, не сон, а что-то среднее. Это ее и пугало. Кассандра моргнула и всё исчезло.

-

Кассандра?

-

Да, я здесь,- растерянно пробормотала девушка.

-

Ты придёшь к Мелиссе?

-

Конечно.

После того как Касс положила телефон, она взглянула на фото Эдмунда и Изавбель Бальмонт. Она смотрела на нее несколько секунд, потом перевернула, на обороте рукой ее прабабушки было написано: «Бальмонт всегда получат то, что ему предназначено». Почему-то именно сегодня это казалось ей угрозой.

Вивьен Розье приехала у дому Вейнов в 10:36, когда улица уже была перекрыта, а две полицейские машины стояли у ворот. За ними- автомобиль местной газеты. Вивьен заметив фотографа, поправила волосы. Это движение было почти автоматическим, даже в самый тяжелый момент Вивьен понимала одну простую вещь: люди фотографируют чужое горе. И если уж собираются это делать, лучше выглядеть достойно.

-

Миссис Розье?- обратился к ней офицер, встретивший ее у ворот.

-

Да, сер.

-

Вы близкая подруга Вейнов?

-

Да.

-

Нам придётся задать вам несколько вопросов.

-

Разумеется, офицер.

-

Когда вы в последний раз видели мистера Война?

-

Вчера.

-

Вы разговаривали с ним?

-

Несколько минут.

-

О чем?

-

О погоде.

-

О погоде?- недоверчиво уточнил офицер, поднимая

взгляд от своего блокнота.

-

Да, сер,- с присущим ей спокойствием и непоколебимостью ответила Вивьен.

Полицейский явно хотел спросить о чем-то еще, но быстро передумал. Потому что Вивьен Розье была именно тем человеком, которого трудно в чем-то подозревать, ведь она была председателем благотворительного фонда, ее муж входил в совет больницы, ее дети учились в одной из лучших школ штата, ее фотографии появлялись в местном журнале каждый раз, когда требовалось показать, как должна выглядеть благополучная семья. У таких женщшининн бывает темных тайн, по крайней мере, не в полицейских протоколах.

Серафина появилась через двадцать минут. Она вышла из автомобиля в длинном сером пальто, темных очках и минуя полицейских прошла в дом. Никто не остановил ее, никто не спросил, почему онч приехала. Потому что в 10:56 утра Серафина выглядела не как убийца. Она выглядела как подруга, а иногда это одно и тоже.

Элоиза приехала последней. В ее руках был бумажный пакет с пирогом. Разумеется, она могла бы заказать его, особенно учитывая, что в Бельмонте вообще мало кто готовил самостоятельно, но Элоиза считала, что в доме, где произошло несчастье, должна быть домашняя еда. Так было принято в старые времена.

Нав лестнице она встретила Кассандру, которая не удер-

жалась от вопроса:

-

Ты всё еще слышишь их?

-

Кого, милая?- уточнила растерянная Касс.

-

Мёртвых.

-

Иногда.

-

А сейчас?

-

Сейчас- нет.

И это было страннее всего, потому что обычно мертвые любили говорить сразу.

К полудню в доме было уже слишком много людей: полицейские, адвокат семьи, сотрудник службы безопасности, домработница, две соседки и мать Валериана. И пять женщин, которые сидели в гостиной вокруг низкого стеклянного стола и выглядели так, будто пришли на поминки. Хотя похорон еще не было, Валериан официально считался пропавшим.

Мелисса сидела у окна, ее лицо было спокойным, слишком спокойным. Но никто не задавал вопросов, по сей видимости, все решили, что ее спокойствие результат успокоительных. К ней подходили, обнимали, говорили дежурные

фразы вроде «держись», «всё образуется», «он найдется». Последняя фраза была особенно жестокой, потому что Мелисса знала: Валериан не найдётся. Никогда. По крайней мере, не в том виде, в котором его искали.

В 13:20 приехал детектив. Его звали Леонард Грей. Он был начальником отдела расследований Бельмонта. Тридйа восемь лет, разведен, двое детей, никакого интереса к светской жизни и и никакого уважения к старым фамилиям. Что делала его человеком опасным.

Он вошёл в гостиную и оглядел всех присутствующих.

Кассандра Бальмонт.

Вивьен Розье.

Элоиза Моро.

Серафина Гибсон.

Мелисса Вейн.

Пять совершенно обычных женщин. Он знал о каждой ровно столько, сколько было необходимо.

Кассандра- блоггер.

Вивьен- благотворительница.

Серафина- владелица ресторана.

Мелисса- жена пропавшего мужчины.

Ни одной из них не было смысла подозревать.

-

Давайте начнём с начала,- Леонард присел на диван и открыл блокнот, под пристальным взором собравшихся,- когда вы последний раз видели Валериана Война?

Мелисса опустила взгляд, Кассандра посмотрела в окно, Серафина поправила волосы, Элоиза медленно выдохнула. Они ответили почти одновременно. Каждая- правду. По крайней мере, ту ее часть, которую считала возможным рассказать. И никто в этой комнате не выглядел виноватым, это было прекрасно, почти совершенно. Потому что если бы Леонард Грей действительно умел читать людей, он бы заметил кое-что любопытное: все пятеро выглядели спокойными. Не найдя ничего любопытного в рассказах свидетелей, Леонард поспешно удалился, оставив собравшихся наедине со своими нелосказаностями.

Глава 4. «Карты никогда не лгут. Люди- другое дело»

В Бельмонте существовало множество способов провести вечер достойно. Можно было посетить благотворительный ужин в пользу городской библиотеки, где за цену небольшого автомобиля подавали три блюда, произносили четыре речи и собирали пожертвования на книги, которые большинство гостей никогда не открывало. Можно было отправиться в ресторан Серафины Гибсон, заказать столик у окна, позволяющий наблюдать за прохожими, и притворяться, будто вы пришли исключительно ради кухни. Можно было принять приглашение на коктейль у очередной вдовы, чье наследство оказалось значительно внушительнее ее скорби, или провести несколько часов на террасе загородного клуба, обсуждая погоду, детей, рынок недвижимости и тех людей, которых за глаза называли невыносимыми, а при встрече- очарователь-

ными.

Впрочем, у самых приличных женщин всегда имелось одно преимущество перед остальным обществом: они умели устраивать развлечения, о которых не следовало рассказывать посторонним. Пять подруг содлирвлись вместе уже много лет. Их дружба пережила две свадьбы, один громкий развод, несколько благотворительных скандалов, бесчисленное количество бокалов шампанского и столько разговоров о мужчинах, что при желании ихз них можно было составить весьма подробный справочник по мужским недостаткам. Они знали, кому из них нельзя доверять выбор вина, кто плачет исключительно от злости, кто всегда опаздывает на пятнадцать минут и кто способен улыбаться человеку, которого в глубине души давно похоронил. Последнее, разумеется, считалось обычным светским навыком. В Бельмонте вообще вообще не любили драматизировать то, что можно было пережить с хорошей осанкой.

По пятницам, когда у каждой нахзодлитлось достаточно причин не выходить из дома, они собирались у Элоизы Моро. Это было неофициальное правило, некогда утверждённое голосованием и потому соблюдающееся особенно строго. Дом Элоизы стоял на тихой улице, где старые липы заслоняли окна от любопытных взглядов, а аккуратные палисадники выглядели так, словно за каждым из них присматривал невидимый садовник с безупречной репутацией. Сам дом принадлежал к тому редкому типу зданий, которые не

стремятся впечатлить гостя с порога. Он не имел ни колонн, ни парадной лестницы, ни золочёных дверей, достойных фотографии в архитектурном журнале. Его достоинство заключалось в другом: в высоких окнах, в теплом свете старинных ламп, в деревянных полах, потемневших от времени, и в лестничных перилах, отполированных ладонями нескольких поколений жильцов. В гостиной пахло пчелиным воском, старыми книгами и едва уловимым ароматом сухих роз. На каминой полке стояли серебряные часы, которые отставали на семь минут уже лет двадцать. Элоиза уверяла, что они исправны, просто обладают собственным представлением о времени. Серафина однажды предложила выбросить их, после чего хозяйка дома посмотрела на нее с таким искренним ужасом, будто та предложила снести собор. С техз пор часы оставили в покое.

В тот пятничный вечер дождь шел с самого заката. Он скользил по стеклам длинными серебристыми дорожками, размывал отражения фонарей и превращал улицу в картину, написанную художником, который слишком любил серые оттенки. На подъездной дорожке блестели капли на темном капоте автомобиля, а у входа стоял раскрытый зонт, забытый кем-то из гостей.

Внутри было тепло. На низком столике перед диваном Элоиза расставила пять бокалов, тарелку с виноградом, сыр, тонко нарезанные груши и небольшие тосты с мягким козьим сыром. Рядом стояла бутылка красного вина.

-

Если ты собираешься сообщить нам, что вино слишком молодое, я обижусь,- предупредила Элоиза, раскладывая салфетки.

-

Оно великолепно,- сказала Серафина,- я просто думаю о том, сколько бед можно было бы предотвратить, если бы мужчины ьратильт на собственное воспитание хотя бы половину тех денег, которые их жены тратят на вино.

-

Воспитание не помогает,- заметила Вивьен, снимая перчатки,- оно лишь делает недостатки менее заметными.

Вивьен прибыла первой, как и следовало ожидать от женщины, которая считала опоздание разновидностью дурного воспитания. На ней были платье глубокого сливового оттенка, тонкие золотые серьги и пальто, которое выглядело простым лишь для тех, кто не знал, сколько усилий требуется, чтобы простота стоила так дорого.

-

От твоего любимого кондитера,- сообщила она Элоизе, ставя на стол небольшую коробку шоколадных конфет.

-

Неужели ты помнишь.

-

Разумеется. Ты ешь только темный шоколад, когда расстроена, и молочный шоколад, когда счастлива. Поскольку

сегодня ты купила новую колоду карт и пригласила нас в дождливый вечер, я решила, что лучше не рисковать.

Элоиза рассмеялась. Вивьен умела замечать такие вещи. Она помнила любимые сорта чая, даты годовщин, названия лекарств, на которые у людей была аллергия, и то, какие именно слова не следовало произносить в присутствии определённого круга лиц. В ее руках память превращалась в форму заботы, а забота- в почти безупречное орудие против человеческой неловкости.

Вскоре приехала Кассандра Бельмонт. Она вошла в гостиную, стряхивая с плеч капли дождя, и принесла с собой едва уловимый аромат белых цветов и холодного воздуха. На ней было темное пальто с высоким воротником, а волосы, обычно улоденые с почти архитектурной точностью, сегодня свободно саадлт на плечи. Кассандра поцеловала Элоизу в щёку и заняла место на диване. В Бельмонте ее присутствие всегда немного меняло атмосферу. Даже среди близких друзей она оставалась женщиной, чья фамилия располагалась на старых зданиях, чьи предки были гораздо состоятельнее большинства ныне живущих. Сама же Кассандра не любила напоминать о происхождении. Она предпочитала, чтобы люди замечали ее платье, остроумие или неудачно выбранную тему для поста в блоге, а не портреты покойных Бельмонтов, висевшие в главном зале родового поместья. Но происхождение, как и некоторые болезни, не всегда можно скрыть под хорошей одеждой.

Последней появилась Мелисса Вейн. Она была одета в мягкий кремовый свитер и тёмные брюки, волосы собрала в небрежный пучок, оставив несколько прядей у лица. На фоне остальных женщин, она выглядела домашней- не потому, что ей недоставало вкуса, а потому, что красота в Мелиссы никогда не требовала усилий, чтобы быть замеченной.

-

Я принесла пирог,- произнесла она, вместо приветствия,- вернее, я купила пирог в пекарне на площади.

-

Это и есть современная кулинария,- заключила Касс.

Мелисса рассмеялась. Ее смех был тихим, чуть хрипловатым, с неожиданной теплотой в конце. В последнее время подруги всё чаще замечали, что она смеется именно так- словно сначала проверяет, безопасно ли это, и только потом позволяет себе удовольствие. Однако, в тот вечер она выглядела спокойнее, чем в последние недели. Она обняла каждую из подруг, сняла пальто т села рядом с Элоизой.

Элоиза же на мгновение исчезла из комнаты, а вернувшись, держала в руках небольшую коробку, обитую темно-синим бархатом.

-

Сегодня мне есть, что вам показать,- таинственно произнесла она.

-

Если это еще одна брошь, которую ты нашла в сундуке

пожилой дамы, я заранее отказываюсь ее покупать,- сказала Вивьен и сделала глоток вина.

-

Это карты, милые дамы.

-

Конечно,- саркастично пробормотала Серафина, откидываясь на спинку дивана,- мы могли просто пить вино и судачить о людях, но, видимо, решили привлечь к нашей болтовне сверхъестественные силы.

-

Никаких сверхъестественных сил,- обижено возразила хозяйка дома,- просто карты, мне так понравилась эта иллюстрация на коробке.

-

Именно так начинаются все сомнительные истории,- заметила Касс,- сначала кому-то нравятся иллюстрации, потом он покупает старинный дом, а потом выясняется, что в подвале замурован родственник.

-

Сказала та, что живет в родловом поместье, а в моем подвале только банки с вареньем.

-

Пока,- заключила Серафина.

Элоиза открыла коробку. Карты лежали внутри ровной стопкой, обернутые тонкой лентой цвета старого золота. Их рубашки украшал рисунок ветвей, звезд и крошечных по-

лумесяцев. Иллюстрации были выполнены в приглушённых оттенках- чернильно- синем, винном, бледно- зелёном и цвете слоновой кости. На некоторых картах женщины стояли перед закрытыми дверями; на других держали фонари, чаши или ключи. Лица их былт прекрасны, но в этой красоте имелось нечто странное: каждая женщина словно знала то, о чем зрителю еще только предстояло догадаться.

-

Очень в твоём вкусе,- сказала Кассандра, рассматривая колоду,- немного викторианская меланхолия, немного французская готика и достаточно загадочности, чтобы заставить покупателя поверить, будто он приобрел не карты, а собственную судьбу.

-

Я купила их в лавке на Мейпл- стрит,- объяснила Элоиза,- они были в старом сундуке. Продавец сказала, что колода неполная, но я пересчитала карты- все на месте.

-

Ты пересчитала их?- переспросила Серафина,- дорогая, это уже не развлечение, это подготовка к серьезному экзамену.

-

Я люблю знать, что покупаю.

-

Именно поэтому у тебя нет мужа,- сказала Вивьен.

-

У меня есть здравый смысл.

-

Я и говорю.

Смех наполнил гостиную, смешавшись с потрескиванием дров в камине и негромкой музыкой, доносившейся из телефона Кассандры. За окном дождь продолжал свой размеренный разговор с городом. В доме было так уютно, что на несколько минут Бальмонт с его слухами, старыми фамилиями и неуместным любопытством показался чем-то далеким и почти вымышленным.

-

Предлагаю простое правило,- произнесла Элоиза, разливая вино,- каждая задает вопрос и вытягивает три карты: прошлое, настоящее будущее. Никаких страшных предсказаний, никаких заявлений о смерти и никаких попыток выяснить, когда кто-нибудь из нас наконец разведётся.

-

Тогда зачем вообще достали карты?- смеясь фыркнула Серафина.

-

Ради развлечения.

-

Это то, что говорят люди перед тем, как совершить ошибку.

-

А ты говоришь это перед каждым новым романом,- заме-

тила Кассандра.

Первой вызвалась Вивьен. Она выбрала вопрос о работе мужа, но сформулировала его настолько расплывчато, что даже самые неблагоприятные карты могли бы показаться обнадёживающими. Элоиза перетасовала карты и предложила ей снять верхнюю часть. Первая карта изображала женщину с закрытыми глазами, сидящую в саду среди белых роз.

-

Императрица,- прочла Элоиза,- дом, достаток, плодородие, забота.

-

Звучит как описание моего налогового отчета,- смеясь произнесла Вивьен.

Вторая карта показывала высокий замок, окружённый стеной.

-

Четвёрка пентаклей: стабильность, контроль, иногда- страх потерять то, что имеешь.

-

А третья?- спросила Серафина улыбаясь.

Вивьен перевернула последнюю карту. На ней была изображена высокая башня, рассеченная молнией. Люди падали с ее стен, а над крышей клубтлись черные облака.

-

Башня,- объявила Элоиза.

Несколько секунд все смотрели на карту. Затем Серафина

громко рассмеялась:

-

Прекрасно! У тебя есть дом, деньги и катастрофа. Вивьен, это ре гадание, это прогноз на любой брак после десяти лет совместной жизни.

-

Башня означает внезапные перемены,- пояснила Элоиза,- разрушение старых представлений, освобождение.

-

Или протекающую крышу,- пробубнила Вивьен,- в любом случае я позвоню управляющему.

Она отодвинула карту и сделала глоток вина. Однако, когда никто не смотрел, ее пальцы на мгновение задержались на краю изображения. Не потому, что она верила предсказаниям. Вивьен не верила в судьбу. Судьба была удобным словом, которым люди прикрывали последствия собственных решений. Она предпочитала факты, расчет и достаточное количество времени, чтобы исправить ошибку прежде, чем о ней узнают остальные. И всё же башня ей не понравилась.

Следующей была Серафина. Она заявила, что хочет узнать, встретит ли наконец мужчину, который окажется умнее ее, но Элоиза отказалась толковать карты на столь фантастическую тему.

-

Тогда я спрашиваю, будет ли мой ресторан получать при-

был следующие шесть месяцев.

-

Вот это я понимаю,- протянула Кассандра,- романтика капитала.

Карты показали ей Колесо Фортуны, Королеву Жезлов и Солнце.

-

Успех, энергия, удача,- перечислила Элоиза,- похоже, у тебя всё будет хорошо.

-

Разумеется,- сказала Серафина,- я умею готовить, знаю, как общаться с персоналом, и не позволяю мужчинам выбирать вино. Что еще нужно для счастья?

-

Умение не сжигать мосты,- заметила Вивьен.

-

Если мост заслуживает сгореть, я считаю это архитектурной критикой.

Серафина забрала карты, посмотрела на изображение пылающего солнца и улыбнулась. На этот раз ее улыбка была совершенно искренней. Она любила жизнь в ее самом простом и самом щедромс проявлении: горячую еду, дорогие духи, быстрые машины, музыку, которая заставляла двигаться, и мужчин, чьи недостатки обнаруживались достаточно рано, чтобы не приходилось знакомить их с матерью. Она не боялась огня. Огонь по крайней мере, никогда не притворялся

чем-то другим.

Кассандра же отказалась задавать вопрос о будущем.

-

Я не собираю, платить за собственные тревоги,- объяснила она,- если судьба хочет со мной поговорить, у нее есть мой номер.

-

У тебя в телефоне даже судьба записана как контакт?- спросила Мелисса.

-

Нет, она звонит с неизвестного номера.

Элоиза рассмеялась и положила перед Касс колоду. Кассандра перетасовала карты медленно, почти рассеяно. Она делала это атк, словно ее внимание было занято чем-то другим: музыкой, дождем, отражением свечи в оконном стекле. Когда Элоиза предложила ей снять колоду, Кассандра выбрала небольшую стопку и положила ее на стол.

Первая карта была Луна. На ней изображалась узкая дорога, уходящая между двумя каменными башнями. Над дорогой висел огромный бледный диск, а внизу, у самой воды, стояла женщина в длинном платье.

-

Иллюзии, тайны, то, что скрыто от взгляда,- молвила Элоиза.

-

Прекрасно. Я всегда мечтала получить собственный спи-

сок недостатков.

Вторая карта изображала человека, который держал в руке фонарь.

-

Отшельник. Поиск ответов внутри себя, необходимость побыть в одиночестве.

-

Это не карта, это моё расписание в ближайшие выходные,- заметила Кассандра.

Третья карта лежала рубашкой вверх.

-

Ну же,- поторопила Серафина, явно вошедшая во вкус.

Кассандра перевернула карту. На ней была изображена женщина в белом платье. Она стояла перед старинным зеркалом, но отражение принадлежало другой женщине- старше, бледнее, с лицом, которое словно выцвело от долгих лет ожидания. На полях карты тонкими буквами было написано: Верховная Жрица.

Кассандра замолчала. Это длилось всего секунду, может быть, две. Достаточно мало, чтобы никто из посторонних не обратил внимания и достаточно долго, чтобы три ее подруги заметили перемену.

-

Что?- спросила Мелисса.

-

Ничего,- отмахнулась Касс

-

Ты побледнела,- сказала настороженная Вивьен.

-

Здесь плохое освещение.

-

Здесь три лампы, камин и пять свечей,- возразила Серафина,- если ты хочешь обвинить освещение, придется постараться убедительнее.

Кассанда улыбнулась и положила карту на стол.

-

Просто ре люблю изображение зеркал.

Это была ложь, причем довольно посредственная. Кассандра любила зеркала. В детстве она часами разглядывала старое зеркало в галерее семейного поместья, пытаясь понять, почему иногда ее отрадер п казалось чуть более печальным, чем она сама. Позже она научилась не задерживать на нем взгляд. Взрослая жизнь и без того требовала от нее слишком много объяснений.

-

Давай следующую,- сказала она.

-

Ты уже вытянула три,- напомнила Элоиза.

-

Тогда я считаю, что развлечение завершено.

-

Вот это и есть настоящая аристократия: получить непри-

ятный результат и отказаться признать его существование,- подняв руки проговорила Серафина.

Касс рассмеялась вместе со всеми, но карту Верховная Жрица она не вернула в общую стопку. Незаметно для остальных она перевернула ее рубашкой вверх и положила рядом с бокалом. Будто так изображённая женщд на перестанет на нее смотреть.

Когда очередь дошла для Элоизы, хозяйка дома пожелала узнать, принесёт ли ей пр быль антикварная лавка в следующем месяце. В ответ она получила Двойку Кубков, Шестерку Мечей и Звезду.

-

Ты встретишь кого-то интересного,- заявила Серафина.

-

Я встречаю интересных людей каждый день. Они приносят мне старые часы, которые их бабушки хранители в коробках из-под обуви.

-

Я говорю о мужчине.

-

Здесь речь о людях.

-

Именно поэтому у тебя нет мужа,- повторила Вивьен.

-

А у тебя есть и посмотри как мы все тебе завидуем- ответила Элоиза.

Вино постепенно согревало разговор. Снаружи дождь усилился и капли застучали по карнизу. Кассандра включила на телефоне старую джазовую запись, Серафина сняла тапочки и забралась на диван с бокалом в руке, а Вивьен, вопреки собственным заявлениям о том, что не собирается участвовать в подобной бессмыслице, уже читала небольшую брошюру с толкованием карт.

-

Осталась Мелисса,- сказала хозяйка дома.

Мелисса сидела чуть в стороне, положив руки на колени. За весь вечер она почти не прикоснулась к пирогу и лишь изредка отпаивала вино. Ее взгляд то и дело возвращался у колодки, лежавшей в центре стола.

-

Я пас.

-

Почему?- удивилась Серафина,- боишься, что карты сообщат тебе, будто ты слишком хороша для всех нас?

-

Я и без карт это знаю.

-

Вот теперь я узнаю тебя.

Медлисса улыбнулась, но улыбка не задержалась на ее лице:

-

Просто не знаю, о чем спросить.

-

Это самая лёгкая часть,- сказала Элоиза,- не нужно придумывать что-то особенное. Спроси о работе, о любви. О чем угодно.

-

А если я не хочу знать будущее?

-

Тогда спроси о прошлом.

-

А если прошлое я и так слишлким хорошо помню?

На этот раз никто не шутил. За окнами проехал автомобиль, его фары скользнули по потолку, осветили старинные часы и исчезли, оставив комнату в прежнем мягком полумраке.

-

Тогда спроси о настоящем,- тихо ободряюще сказала Кассандра.

Мелисса взглянула на нее. В этом взгляде было что-то такое, чего остальные не заметили или предпочли не заметить. Между двумя женщинами словно скользнуло короткое понимание, не требовавшее ни слов, ни объяснений. Кассандра первой отвела глаза и потянулась за бокалом.

Мелисса взяла колоду. Она перетасовала карты неумело, слишком осторожно, будто боялась повредить тонкую бумагу. Затем сняла верхнюю часть и положила ее на стол.

-

Хорошо,- выдохнула она,- пусть будет настоящее.

-

Вот это уже разумно,- одобрила Серафина,- будущее все равно постоянно меняет планы.

Элоиазперевернцла первую карту, на ней был изображён человек в длинном плаще, стоящий перед закрытой дверью. В одной руке он держал ключ, а в другой- маленький фонарь.

-

Отшельник,- прочла Элоиза,- одиночество, Алису истины.

-

Какая приятная колода,- улыбнулась Серафина,- в следующий раз, Элоиза дорогая, купи нам что-нибудь с котиками.

-

Это символ завершения,- продолжила хозяйка квартиры, не отвлекаясь,- конец трудного периода, необходимость оставить что-то позади.

-

Или необходимость лечь и больше не вставать,- пробормотала Серафина.

-

Серафина,- укоризненно одернула подругу Вивьен.

-

Что? Я всего-то описываю картинку.

-

А третья?- спросила Мелисса, не отрывая взгляда от карт.

Когда Элоиза перевернула последнюю карту, в комнате стало тихо. На карте была изображена женщина в светлом платье, стоявшая у края колодца. Вокруг ее ног росли белые цветы. Вода в колодце казалась черной, хотя над ним сияла полная луна. Женщина держала в руке небольшую чашу, а на дальнем краю каменного бортика лежала красная роза. В верхней части карты золотыми буквами было напечатано одно слово:

Смерть.

-

Карта Смерть вовсе не обязательно означает буквальную смерть,- прервала тишину Элоиза,- обычно она символизирует перемены. Конец одного этапа и начало другого. Освобождение от прошлого.

-

Как удобно,- молвила Вивьен,- можно предсказать человеку что угодно, а потом обьяснить, что речь шла о внутреннем росте.

-

Именно поэтому я и говорила, что это развлечение.

Мелисса внимательно смотрела на женщину у колодца. Ее лицо не выражало страха. Скорее, в нем появилось странное спокойствие, которое иногда возникает ц людей, услышавших давно ожидаемую новость. Она протянула руку и коснулась края карты кончиком пальца и сказала:

-

Красивое изображение.

-

Ты уверенна, что всё в порядке?- уточнила Касс.

-

Конечно,- без колебаний ответила Мелисса.

-

Ты же понимаешь, что никто из нас не воспринимает это всерьёз?

-

Разумеется, это только карты.

Она произнесла это так легко, что любой человек немедленно поверил бы. Но Кассандра слишком хорошо знала цену подобной легкости. Существовали люди, которые лгали, потому что боялись наказания, и люди, которые лгали, чтобы защитить тех, кого любили. А были и такие, кто говорил неправду с той же спокойной уверенностью, с какой другие заказывали кофе. Мелисса всегда принадлежала к последним.

-

За долгую жизнь,- объявила Серафина и подняла бокал,- раз уж наша колода сегодня решила всех похоронить, предлагаю выпить за то, чтобы она ошиблась.

-

За долгую жизнь,- повторила Элоиза.

-

За здравый смысл,- дополнила Вивьен.

-

Зв то, чтобы у каждой из нас всегда оставался выбор,- Кассандра подняла бокал последней.

Вечер постепенно вернулся у привычной беззаботности. Они обсуждали новый ресторан на набережной, нелепое платье городского судьи, слухи о том, что сын семейства Уитморов собирается жениться на девушке без состояния и недавнюю фотографию Александра Бельмонта в социальных сетях. Серафина утверждала, что фото доказывает необходимость запрета мужчинам самостоятельно выбирать одежду.

Когда Мелисса собралась домой, дождь уже почти прекратился. Элоиза проводила её до двери и накинула ей на плечи пальто. На крыльце пахло мокрой землей и прелыми листьями. Уличные фонари отражались в лужах, а за соседними окнами мерцали телевизоры, напоминая, что в каждом доме существует своя маленькая вселенная, о которой прохожие знают ровно столько, сколько им позволено увидеть.

-

Ты точно в порядке?- спросила Элоиза.

-

Да,- отмахнулась Мелисса, застегивая пальто.

-

Ты можешь позвонить мне в любое время, ты ведь знаешь?

-

Знаю.

-

И не обязательно ждать пятницы.

Мелисса посмотрела на нее с такой нежностью, что Элоиза вдруг почувствовала себя неловко. Она не любила, когда ее благодарили за то, что она считала естественным. Особенно если благодарность звучала как прощание. Мелисса поцеловала Элоизу в щеку и спустилась по ступеням. Ее автомобиль стоял у обочины. Прежде чем сесть внутрь, Мелисса на мгновение оглянулась на освещенные окна дома. За одним из них мелькнула тень Серафины, размахивающей руками во время очередную истории. В гостиной смеялись, где-то звякнул бокал. Мелисса улыбнулась, а после велела водителю ехать домой.

В гостиной Элоиза вернулась к столу, чтобы убрать бокалы. Коробка ч таро стояла возле камина. Она собиралась отнести ее в кабинет, но заметила, что крышка закрыта неплотно. Из коробки выступал уголок карты. Элоиза нахмурила и потянула за него. Это была Верховная Жрица- та карта, которую вытянула Кассандра. Элоиза не помнила, чтобы возвращала ее в коробку. Более того, она была уверенна, что Касс оставила карту возле бокала, в затем незаметно убрала ее в сумку. Возможно, Элоиза ошиблась, вечер был длинным, вино оказалось крепче, чем она ожидала, а память иногда подводила даже самых внимательных. Она перевернула карту лицом вверх. Жкнщдинв в зеркале смотрела прямо на нее. Элоиза выдохнула, собираясь убрать карту, и тут заме-

тила маленькую надпись у самого нижнего края изображения. Раньше ее там не было- по крайней мере, Элоиза ее не помнила. Надпись была настолько тонкой, что ее можно было принять за царапину:

Пять женщин. Один дом. Один мертвый мужчина.

Элоиза застыла, за спиной треснуло полено в камине. Часы на каминной полке отстали еще на одну минуту. На улице хлопнула дверца соседского автомобиля. Всё было совершенно обычно. Именно это и напугало ее больше всего. Элоиза перевернула карту рубашкой вверх, словно изображение могло исчезнуть, если на него не смотреть. Потом осторолдн го положила ее обратно в коробку, покрепче закрыла крышку и отнесла колоду в кабинет. Она решила, что утром позвонит продавцу. Возможно, это была старая надпись, оставленная прежним владельцем. Возможно, кто-то решил разыграть ее. Возможно, всё объяснялось самым простым образом, как обычно и объяснялось большинство вещей, если дать им достаточно времени. Элоиза любила простые объяснения. Они позволяли человеку спокойно спать.

Но той ночью ей приснился каменный колодец, окруженный белыми розами. Над водой висела полная луна. На краю бортика лежала красная роза, а на глубине, под черной поверхностью, кто-то тихо смеялся.

Когда Элоиза проснулась на часах было 4:17. Она долго лежала неподвижно, слушая дождь. А потом услышала голос, не из коридора, не с улицы, не из комнаты, где стояла

таинственная коробка. Голос прозвучал у самого изголовья- низкий, хриплый, почти ласковый:

-

Они ведь всё еще думают, что это была лишь игра.

Элоиза резко села на кровати, огляделась, комната была пуста. И всё же, прежде чем тишина наступила окончательно, голос произнёс еще одну фразу:

-

Скажи им, что колода всё помнит.

Глава 5 «Вечер, который Бальмонт предпочёл забыть»

И так, мой дорогой читатель, начнем с самого начала.

Не с того мгновения, когда Валериан Вейн лежал на белом мраморном полу собственной кухни, а пять женщин, еще недавно казавшихся воплощением благопристойности, стояли вокруг его тела и пытались решить, что делать дальше. И даже не с того часа, когда первая из них поняла, что кровь невозможно отменить, как неудачно произнесённое слово, а смерть- не исправить словно опечатку в письме.

Мы начнем с утра.

Потому что самые страшные события, вопреки распространённому мнению, редко заявляют о себе заранее. Они не гремят громом над крышами, не заставляют часы останавливаться и не предупреждают приличных людей, что к вечеру их жизнь окончательно изменится. Напротив, они приходят в самые обыкновенные дни- когда на кухне заканчивается молоко, курьер опаздывает с доставкой, на телефон поступа-

ет сообщение от школьного учителя, а горничная сообщает, что любимые белые розы хозяйки опять пострадали от дождя.

В Бельмонте утро того дня было именно таким. Небо над городом казалось выстиранным до прозрачности. По крышам старых домов скользил бледный солнечный свет, на подстриженных газонах ещё блестела роса, а садовники, облачённые в непромокаемые куртки, с той серьёзностью, которую обычно проявляют люди при выполнении совершенно незначительных обязанностей, приводили в порядок живые изгороди. На главной улице уже открылись кофейни. За стеклянными дверями пахло свежемолотыми зёрнами, ванилью и дорогими духами. У витрин ювелирного магазина остановилась женщина в кашемировом пальто; напротив, молодой отец пытался убедить ребёнка, что опаздывать в школу неприлично, хотя сам то и дело поглядывал на часы. На площади Эдмунда и Изабель Бельмонт пожилая пара кормила голубей, несмотря на установленную городским советом табличку, запрещавшую это занятие. Бельмонт был городом, в котором даже непослушание старались совершать красиво. Здесь не любили беспорядка, громких голосов и людей, которые слишком открыто демонстрировали собственные чувства. Деньги, разумеется, имели значение, но не меньшее значение имел способ, которым человек умел их носить. Старые фамилии открывали двери, новые состояния оплачивали их реставрацию, а хорошие манеры

позволяли всем участникам процесса делать вид, будто между этими двумя обстоятельствами нет никакой разницы. В этом городе можно было простить многое. Неудачный брак, неудачную инвестицию и даже неудачную дочь. Но публичный скандал был совершенно другим делом.

Скандал оставлял следы. Он переходил из одного дома в другой, переживал смену сезонов, становился предметом обсуждения за завтраками и обретал новые подробности при каждом пересказе. Скандал не поддавался ни химчистке, ни семейным пожертвованиям, ни даже самому дорогому адвокату. И именно поэтому Валериан Вейн всегда так тщательно следил за тем, чтобы его дом оставался безупречным. В семь часов утра Валериан стоял перед зеркалом в гардеробной и застёгивал запонки. Ему было сорок четыре года. Он принадлежал к тому типу мужчин, которых принято называть представительными, когда не хочется употреблять слово «самодовольные». Высокий, широкоплечий, с тёмными волосами, которые уже начали серебриться у висков, он обладал правильными чертами лица и улыбкой, достаточно обаятельной, чтобы незнакомые люди чувствовали себя польщёнными его вниманием. Валериан прекрасно знал производимое им впечатление. Он носил костюмы, сшитые на заказ, предпочитал часы сдержанного дизайна и никогда не повышал голос в присутствии посторонних. Ему нравились дорогие рестораны, редкие сорта виски и люди, которые умели вовремя понять, когда разговор следует закончить. Он мог

пожать руку городскому мэру, обсудить с банкиром условия сделки и в тот же вечер очаровать половину гостей на благотворительном приёме.

Если бы Бельмонт составлял список своих наиболее достойных мужчин, Валериан Вейн неизбежно оказался бы в первой десятке.

Если бы Бельмонт составлял список мужчин, с которыми не следовало оставлять наедине собственную дочь, результаты могли бы оказаться несколько иными. Но второй список, разумеется, никто не составлял.

Валериан поправил манжету и взглянул на телефон. Три непрочитанных письма. Два сообщения от помощницы. Уведомление от банка. Напоминание о встрече, которую он собирался перенести уже третий день подряд. Он ответил на два сообщения, просмотрел календарь и остановился на вечерней записи: 20:00. Ужин дома.

Вейн не любил незапланированных гостей, однако любил приглашать людей, от которых зависело его положение. Ужин был устроен в честь одного из новых проектов- приобретения нескольких исторических зданий на окраине Бельмонта, которые он собирался превратить в закрытый жилой комплекс. Для города проект означал новые рабочие места и дополнительные налоги. Для Валериана- прибыль, влияние и возможность ещё раз доказать, что даже старинную красоту можно обратить в источник дохода.

Он улыбнулся своему отражению. Всё шло так, как долж-

но было идти.

Мелисса Вейн была моложе мужа почти на десять лет. В ней не было той холодной, отточенной красоты, которую Валериан ценил в женщинах своего круга. Её лицо оставалось живым даже тогда, когда она старалась не показывать чувств; в глазах сохранялось нечто мягкое и открытое, а улыбка, прежде появлявшаяся легко, в последнее время стала редкой гостьей. На ней был светлый домашний халат, волосы свободно лежали на плечах. За её спиной открывался вид на сад: аккуратные дорожки, подстриженные кусты самшита, белые розы и небольшой фонтан, в котором вода падала с каменной чаши в круглое основание.

Дом Вейнов был прекрасен. В нём имелись высокие потолки, лестница из светлого камня, библиотека с деревянными панелями, столовая, рассчитанная на двенадцать гостей, и кухня, которую дизайнеры описывали как сочетание современной функциональности и классической элегантности. Окна выходили в сад, где каждое дерево было посажено в соответствии с планом ландшафтного архитектора. Всё здесь было устроено для счастья. И именно поэтому несчастье в этом доме казалось особенно неприличным.

Дорогой читатель, не буду повторять об инциденте с разбитой чашкой и утренний диалог, дабы не создавать тавтологии, добавлю лишь то, что ты еще не слышал.

-

Сегодня вечером, - проговорил он,- и, пожалуйста, не

устраивай сцен. У нас будут гости.

Он подошёл к ней, поправил воротник её халата и поцеловал в лоб. Со стороны этот жест мог бы показаться нежным. Мелисса не пошевелилась.

-

Ты понимаешь меня?

-

Да,- покорно ответила она.

-

Вот и прекрасно.

Он взял телефон, кошелёк и ключи от автомобиля. У двери Валериан обернулся.

-

Надень что-нибудь подходящее. Это важный вечер.

-

Для кого?

-

Для нас обоих.

Он улыбнулся и вышел из комнаты. Мелисса осталась у окна. Некоторое время она смотрела на дорожку, по которой муж направлялся к гаражу. Затем достала телефон и открыла переписку, о которой ты тоже уже знаешь.

Вивьен Розье встретила утро в розовом саду. Это было не столько увлечением, сколько дисциплиной. Её сад занимал значительную часть заднего двора и выглядел так, словно природа добровольно согласилась подчиняться правилам

хорошего общества. Розы росли ровными рядами, дорожки были посыпаны светлым гравием, а вдоль каменной стены тянулась аккуратная изгородь из лаванды. Вивьен любила розы за их предсказуемость. Им требовались вода, солнце, своевременная обрезка и защита от болезней. Если ухаживать за ними правильно, они цвели. Если пренебрегать ими, они увядали. В розах не было ничего загадочного, и Вивьен считала это их главным достоинством. Она срезала несколько увядших бутонов, когда телефон завибрировал в кармане халата.

То было сообщение от Мелиссы: «Ты сегодня сможешь приехать? Мне нужно, чтобы ты была рядом.»

Вивьен прочитала его дважды, а затем ответила: «Конечно. Что случилось?»

Три точки появились почти сразу, но исчезли, прежде чем пришёл ответ: «Расскажу вечером.»

Вивьен нахмурилась. Она знала Мелиссу достаточно хорошо, чтобы понимать: за этими словами скрывалось нечто большее, чем обычная семейная ссора. В последние месяцы подруга всё чаще звонила ей поздно вечером, говорила о том, что устала, а затем замолкала на полуслове. Иногда Вивьен замечала на её запястьях синяки, которые Мелисса объясняла неуклюжестью. Однажды она не поверила. В другой раз предпочла не настаивать. Существовали вопросы, на которые женщина могла ответить только сама себе. Вивьен знала это лучше многих.

Она отправила Мелиссе ещё одно сообщение: «Я буду.»

После этого вернулась к розам. Ей предстояло отвезти детей в школу, встретиться с управляющим семейным фондом и забрать из химчистки платье, которое она собиралась надеть на ужин у Вейнов. К вечеру, вероятно, придётся улыбаться людям, которых она не любила, и обсуждать проект, который её совершенно не интересовал.

Обычный день.

Обычная жизнь.

И всё же, обрезая очередной побег, Вивьен поймала себя на мысли, что в этот вечер ей, возможно, придётся вспомнить одну из тех вещей, о которых она предпочла бы больше никогда не думать. В прошлом она уже убивала человека. Не из ревности, не ради денег и не потому, что была чудовищем, каким её могли бы представить люди, узнавшие правду. Она сделала это ради младшей сестры- мужчины, который шантажировал девушку и был уверен, что его положение защитит его от последствий.

С тех пор прошло много лет. Вивьен построила дом, вышла замуж, родила детей и научилась жить так, словно прошлое было закрытой комнатой, ключ от которой она давно выбросила. Но некоторые ключи не выбрасывают. Их попросту прячут.

Кассандра Бельмонт завтракала в семейном поместье, сидя у высокого окна, из которого открывался вид на город. Поместье стояло на холме. Его светлые стены были обвиты

плющом, а широкая лужайка спускалась к ряду старых деревьев, за которыми начинались крыши Бельмонта. В ясную погоду отсюда можно было увидеть главную площадь, шпиль церкви и купол городской библиотеки, названной в честь Эдмунда и Изабель Бальмонт, как и многие исторические сооружения. В доме хранились портреты всех поколений семьи. Одни предки смотрели на мир с гордостью, другие- с подозрением, третьи обладали тем выражением лица, которое принято считать достоинством у мужчин и высокомерием у женщин. Кассандра знала их всех по именам, хотя некоторые из них давно перестали казаться ей людьми и превратились в часть семейного интерьера.

Она сидела перед чашкой кофе, когда в стекле окна отразилось лицо женщины. Не её собственное. Кассандра резко обернулась. За спиной никого не было. Она медленно выдохнула и снова посмотрела на окно. Отражение исчезло. Остался только сад, залитый утренним светом, и каменная статуя Изабель Бельмонт у фонтана.

Кассандра давно научилась не доверять своим видениям безоговорочно. Они приходили обрывками: запах мокрой земли, чужая рука на дверной ручке, красная нить на белом рукаве, свет в окне, которого не должно было быть. Иногда она видела события за несколько минут до того, как они происходили. Иногда- сцены, которым предстояло случиться через годы. А иногда её дар показывал то, что никогда не происходило в действительности, но всё равно оставляло после

себя ощущение утраты.

Изабель Бельмонт, согласно семейным записям, обладала тем же даром. Её называли провидицей. В семейном дневнике она называла себя женщиной, которой слишком многое было позволено увидеть. Кассандра предпочитала считать это наследственным расстройством, которому предшествовали долгие поколения женщин, живших в слишком больших домах и слишком тесных браках.

Она взяла телефон.

На экране появилось сообщение от Мелиссы: «Ты придёшь сегодня вечером?»

Кассандра ответила: «Разумеется. Я же обещала.»

Затем добавила: «Ты в порядке?»

Ответа не последовало.

Кассандра отложила телефон и посмотрела на семейный портрет Изабель, висевший над камином.

-

Только не сегодня, — тихо сказала она.

Портрет, как и положено портретам, к счастью, не ответил.

В ресторане Серафины Гибсон утро началось с небольшой катастрофы. Поставщик перепутал заказ, шеф-повар отказался менять меню, а один из официантов сообщил, что собирается уволиться, поскольку его девушка считает, будто работа в ресторане мешает их отношениям.

-

Если любовь не выдерживает графика до полуночи,- сказала Серафина, просматривая накладные,- то, возможно, она не выдержит и совместной ипотеки.

Официант посмотрел на неё с растерянностью.

Серафина была женщиной, которая привыкла решать проблемы до того, как они успевали приобрести приличную форму. Её ресторан располагался в старом здании у площади, где высокие окна выходили на улицу, а внутренний зал сочетал тёмное дерево, латунные светильники и мягкие кресла глубокого зелёного цвета. По вечерам здесь подавали блюда, названия которых иногда были длиннее их описаний в меню. Гости приезжали на дорогих автомобилях, заказывали вино, фотографировали десерты и обсуждали городские новости так, словно сами не были их главными героями.

Серафина любила свой ресторан. Она любила шум кухни, огонь под сковородами, точность ножей, жар духовок и мгновение, когда блюдо наконец приобретало тот вид, который она задумала. Ей нравилось, что в кухне всё подчинялось законам, которые нельзя было уговорить, купить или убедить в собственной правоте. Огонь был честнее людей. Он не обещал милосердия.Он просто горел.

Телефон завибрировал.

«Мне нужно, чтобы ты сегодня была у нас к восьми»,- написала Мелисса.

Серафина ответила: «Я думала, мы собирались встретиться в субботу.{

«Пожалуйста.»

Серафина перечитала сообщение и набрала номер подруги. Мелисса не ответила.

Через минуту пришло новое сообщение: «Я объясню вечером. Только приезжай.»

Серафина посмотрела на часы, затем на повара, который уже собирался спорить с ней из-за поставщика.

-

Перенеси мою встречу с виноделом,- сказала она администратору,- И позвони водителю. Вечером я уезжаю раньше.

-

Куда?

-

На семейный ужин.

Администратор поднял брови:

-

Вы и семейные ужины?

-

У каждого человека есть слабости.

Она убрала телефон в карман. На её ладони остался тонкий красный след от горячей ручки кастрюли. Серафина посмотрела на него, нахмурилась и провела пальцем по коже. След исчез. Никто этого не заметил. Серафина тоже не стала придавать этому значения.

Элоиза Моро открыла свою антикварную лавку в половине десятого. Магазин находился на узкой улице неподалёку

от старой библиотеки. Его окна были заставлены серебряными рамками, фарфоровыми фигурками, старинными книгами и небольшими предметами, которые люди покупали не потому, что нуждались в них, а потому, что хотели верить в существование прошлого, к которому ещё можно прикоснуться.

Элоиза любила вещи с историей. Её интересовали не столько их стоимость и происхождение, сколько следы человеческой жизни, оставленные на поверхности. Потёртая ручка чайника. Надорванный угол письма. Инициалы на внутренней стороне кольца. Старая фотография, на которой все улыбаются, хотя через несколько лет половина изображённых людей уже не разговаривала друг с другом. Она верила, что предметы сохраняют больше, чем люди готовы признать. Иногда, касаясь вещи, Элоиза слышала голоса. Не всегда отчётливо. Не всегда правдиво.

Мёртвые, как выяснилось, не становились мудрее лишь потому, что умирали. Они по-прежнему скрывали правду, преувеличивали собственные заслуги и обвиняли окружающих в поступках, которых сами не стыдились. Некоторые говорили без умолку. Другие молчали годами. Бывали и такие, кто не понимал, что умер. Элоиза научилась не отвечать им вслух в присутствии покупателей. Это помогало сохранять репутацию.

Утром она разбирала коробку с серебряными ложками, когда телефон засветился на прилавке.

Сообщение от Мелиссы: «Ты сегодня свободна?»

Элоиза ответила: «После шести. Что случилось?»

Мелисса: «Мне нужно, чтобы ты пришла на ужин.»

Элоиза нахмурилась. Она не любила дом Вейнов. Не из-за Валериана, хотя и он был человеком, которого она предпочла бы видеть на расстоянии, а потому, что в этом доме всё казалось слишком тихим. Даже вещи там словно боялись издать звук.

Она написала: «Хорошо. Я буду.»

В этот момент маленький серебряный колокольчик над дверью звякнул, хотя никто не вошёл. Элоиза подняла голову. В стекле витрины она увидела отражение старика в тёмном пальто. Он стоял за её спиной, склонив голову, и смотрел на коробку с ложками.

Элоиза медленно повернулась. Магазин был пуст. Она снова посмотрела на витрину. Старик исчез.

-

Не сегодня,- пробормотала она.

Она закрыла коробку и отодвинула её в сторону. День ещё не успел начаться как следует, а Элоиза уже устала от прошлого.

К полудню Мелисса Вейн закончила всё, что требовалось сделать перед вечером. Она ответила на сообщения, подтвердила заказ цветов, проверила список гостей и согласовала с поваром меню. Валериан предпочитал, чтобы на столе всегда присутствовало хотя бы одно блюдо, которое мож-

но было бы назвать неожиданным, но ни в коем случае не экспериментальным. Он любил удивляться ровно настолько, насколько позволял ему контроль над ситуацией.

На этот вечер Мелисса выбрала запечённого морского окуня, сезонные овощи, салат с грушей и орехами и шоколадный десерт, который Валериан почти никогда не ел, но неизменно хвалил. Стол должен был быть накрыт белой скатертью. Серебро- отполировано. Хрусталь- расставлен симметрично. Цветы- достаточно высокими, чтобы выглядеть празднично, и достаточно низкими, чтобы не мешать гостям смотреть друг другу в глаза.

Мелисса проверила всё дважды. Затем поднялась в спальню. На кровати лежало синее платье. Оно было простым по крою, но дорогим по ткани: мягкий шёлк, закрытая спина, тонкие рукава и глубокий оттенок, напоминавший небо за несколько минут до наступления ночи. Мелисса купила его несколько месяцев назад и ни разу не надевала.

Валериан считал, что ей больше идут светлые цвета. Он говорил, что синий делает её лицо слишком бледным, а тёмные оттенки придают ей ненужную серьёзность. Он предпочитал видеть жену мягкой, спокойной и немного растерянной- женщиной, которую легко направить, если достаточно долго объяснять ей, что именно она должна хотеть.

Мелисса взяла платье в руки. Потом подошла к зеркалу. В отражении она увидела женщину, которую давно перестала узнавать. Не потому, что та изменилась внешне, лицо остава-

лось прежним, волосы всё ещё мягко обрамляли щёки, глаза казались большими и ясными. Но в её взгляде появилось нечто новое. Не смелость, пожалуй. Смелость была слишком громким словом. Скорее, отсутствие прежней просьбы о разрешении. Мелисса больше не ждала, когда ей позволят быть собой.

Она положила платье на кресло и достала из ящика небольшую коробку. Внутри лежал старый серебряный медальон с потемневшей застёжкой. На крышке была выгравирована буква «И». Мелисса открыла его. Внутри находилась крошечная фотография женщины с тёмными волосами и печальными глазами. На обороте неровным почерком было написано: «То, что было обещано, должно быть возвращено».

Мелисса закрыла медальон. Затем убрала его в сумочку.

На телефон пришло сообщение от Валериана: «Не забудь, что сегодня у нас важные люди. Я рассчитываю на тебя»

Она прочитала его без выражения.

«Разумеется»- ответила она.

Через несколько минут она отправила ещё одно сообщение: «Всё готово.»

Ответа не последовало.

Мелисса подошла к окну. На улице садовник подрезал кусты роз, а за каменной стеной медленно проехал чёрный автомобиль. В доме было тихо. Где-то внизу работала посудомоечная машина, на кухне звякала посуда, и в коридоре часы отсчитывали минуты с той равнодушной точностью, ко-

торую имеют только вещи, не знающие, что такое ожидание.

Мелисса посмотрела на часы. До восьми оставалось семь часов. Ей казалось, что она ждала этого вечера всю жизнь.

К восьми часам дом Вейнов сиял. В окнах отражались садовые фонари. На подъездной дорожке один за другим появлялись автомобили, и их фары скользили по светлым стенам, по мокрому гравию, по аккуратно подстриженным кустам. У входа стояли два больших кашпо с белыми розами, а на ступенях горели фонари, которые Валериан заказал у итальянского мастера после поездки в Милан.

Всё было безупречно.

Разумеется.

В Бельмонте безупречность считалась не качеством, а обязанностью.

Первой приехала Кассандра Беллмонт вместе с мужем Александром. На нём был тёмный костюм без галстука, белая рубашка с расстёгнутой верхней пуговицей и выражение человека, который уже мысленно покинул мероприятие, хотя физически ещё не переступил порог. Кассандра была в длинном платье цвета тёмного изумруда. На шее блестело старинное ожерелье, принадлежавшее её прабабке Изабель. Украшение не имело особой денежной ценности по меркам семейных коллекций, но считалось фамильной реликвией, а в Бельмонте иногда было достаточно того, чтобы вещь пережила три поколения, для приобретения почти религиозного статуса.

-

Ты знаешь, зачем Валериан устроил этот ужин?- спросила Кассандра, пока они поднимались по ступеням.

-

Он купил здания на Мейпл-стрит.

-

Я думала, он ещё только собирается их купить.

-

Значит, теперь собирается купить официально.

Александр протянул жене руку.

-

Дорогая, у тебя лицо человека, который уже знает, что произойдёт, но не желает рассказывать остальным.

Кассандра посмотрела на него и отшутилась:

-

Если бы я действительно знала, что произойдёт, я бы попросила водителя отвезти нас в другой город.

-

Вот почему я никогда не задаю вопросов о будущем. Оно портит людям настроение.

Дверь открыла хозяйка дома. Мелисса выглядела прекрасно. Синее платье мягко облегало фигуру, тёмные волосы были собраны на затылке, а на запястье поблёскивал тонкий браслет. Она улыбнулась Кассандре и поцеловала её в щёку, затем поздоровалась с Александром.

-

Ты сегодня особенно красива, — сказала Кассандра.

-

Спасибо.

-

Валериан заметил?

Мелисса на мгновение замолчала.

-

Он ещё не вернулся.

Кассандра почувствовала, как что-то холодное скользнуло вдоль позвоночника. Она не знала почему. Возможно, из-за того, как Мелисса произнесла эти слова. Возможно, из-за взгляда, который задержался на ней чуть дольше обычного. А возможно, из-за внезапного ощущения, будто она уже видела эту сцену- светлую прихожую, белые розы, синее платье и женщину, которая улыбалась так, словно прощалась с собственной прежней жизнью.

Кассандра моргнула и ощущение исчезло.

-

Он скоро будет,- сказала Мелисса,- Проходите. Все уже собираются.

В гостиной находились несколько гостей: городской советник с женой, деловой партнёр Валериана, двое представителей строительной компании и Беатрис Вейн, мать хозяина дома.

Беатрис была женщиной шестидесяти восьми лет, чья красота давно приобрела ту холодную завершённость, кото-

рую не могут дать ни косметика, ни хирургия, ни деньги. Её серебристые волосы были уложены безупречно, жемчужное ожерелье лежало на ключицах, а платье цвета шампанского подчёркивало худобу, которую она считала признаком дисциплины.

Она поцеловала Кассандру в щёку.

-

Дорогая. Как приятно видеть тебя. Александр, вы прекрасно выглядите.

-

Вы тоже, Беатрис.

-

Я стараюсь не разочаровывать публику.

Беатрис улыбнулась, затем повернулась к Мелиссе.

-

Надеюсь, ты не забыла, что Валериан не любит, когда подают рыбу слишком поздно.

-

Ужин будет вовремя.

-

Прекрасно. Мужчинам не следует ждать, пока женщины закончат свои приготовления.

Она произнесла это с таким спокойствием, что даже Кассандра не сразу поняла, была ли фраза намеренным оскорблением.

Мелисса лишь улыбнулась.

-

Я передам кухне.

Беатрис удовлетворённо кивнула. Она никогда не любила невестку. В первые годы брака её неприязнь проявлялась в мелочах: замечаниях о платьях, о манере держать бокал, о недостаточно формальных письмах и слишком частых визитах к собственным подругам. Позднее она стала говорить, что Мелисса не понимает, какой жизнью ей позволено жить.

Валериан никогда не возражал матери. Он считал, что семейные разногласия следует решать внутри семьи, а если одна из сторон постоянно оказывается униженной, это лишь свидетельствует о недостаточной способности другой стороны к адаптации. Такое объяснение избавляло его от необходимости что-либо менять.

К половине девятого гости переместились в столовую. Комната была освещена длинной люстрой с хрустальными подвесками. На стенах висели пейзажи, приобретённые Валерианом на аукционах, а вдоль окон стояли тяжёлые шторы цвета тёмного вина. Стол был накрыт белой скатертью, серебряные приборы блестели, а в центре располагалась композиция из белых роз и ветвей эвкалипта. На каждом месте лежала карточка с именем. Валериан любил подобные детали. Они создавали впечатление, будто даже человеческие отношения можно упорядочить, если заранее решить, кто рядом с кем должен сидеть.

Мелисса оказалась справа от мужа. Кассандра — напро-

тив неё. Вивьен Розье сидела рядом с городским советником, а Серафина Гипсон- между его женой и представителем строительной компании. Элоиза Моро, приглашённая в последний момент как давняя знакомая семьи, расположилась ближе к концу стола.

Валериан появился, когда все уже заняли места. Он вошёл с улыбкой, извинился за опоздание и пожал руку деловому партнёру.

-

Простите, задержался на звонке. Иногда бизнес напоминает неблагодарного ребёнка: стоит отвернуться, и он немедленно что-нибудь ломает.

Гости рассмеялись.

Валериан занял своё место и взглянул на Мелиссу.

-

Ты прекрасно выглядишь.

-

Спасибо.

Он положил руку ей на спинку стула.

-

Видишь, я же говорил, что синий тебе подходит.

-

Ты говорил обратное,- возразила Мелисса глядя на мужа.

На мгновение улыбка Валериана стала неподвижной. Затем он засмеялся.

- Значит, я изменил мнение. Мужчинам иногда полезно это делать.

Разговор продолжился. Подавая блюда, официанты двигались почти бесшумно. Вино разливали в хрустальные бокалы, приборы звенели о фарфор, а гости обсуждали проект Валериана, предстоящий благотворительный бал и последние новости городской администрации. Он говорил о будущем Бельмонта с тем убеждением, которое свойственно людям, давно привыкшим считать собственные желания общественной необходимостью.

-

Старые здания прекрасны, — заявил он, поднимая бокал,- но красота не должна мешать развитию. Мы обязаны сохранить историю, не позволяя ей превратиться в препятствие для будущего.

-

Какая благородная формулировка,- заметила Серафина.- Особенно если учитывать, что будущее обычно приносит прибыль тому, кто его формулирует.

Гости засмеялись. Валериан тоже.

-

Серафина, вы всегда умеете напомнить нам о практической стороне идеализма.

-

Кто-то же должен.

-

Совершенно верно.

Он перевёл взгляд на Кассандру.

-

А что думает семья Бельмонт? Вы ведь должны быть заинтересованы в сохранении исторического облика города.

Кассандра медленно положила вилку и сказала:

-

Мы заинтересованы в сохранении самого города.

-

Прекрасно сказано. Но город не может жить одним прошлым.

-

Некоторые города живут им довольно успешно.Пока не начинают умирать от недостатка свежего воздуха.

-

А некоторые задыхаются от избытка амбиций.

Вивьен прикрыла улыбку бокалом. Александр покачал головой.

-

Я вижу, мы пришли на ужин, а получили заседание городского совета.

-

Это значительно дешевле, — заметил деловой партнёр Валериана.

Все снова рассмеялись.

Только Мелисса молчала. Она сидела с прямой спиной,

слушала разговоры и почти не притрагивалась к еде. Иногда её взгляд останавливался на муже. Валериан выглядел безупречно: уверенный, остроумный, окружённый людьми, которые охотно соглашались с ним, если это обещало им выгоду.

Он был хозяином этого дома.

Хозяином этого вечера.

Хозяином её жизни.

По крайней мере, так он думал.

Когда подали десерт, Беатрис Вейн отложила ложку.

-

Мелисса, дорогая, я хотела спросить, когда вы с Валерианом собираетесь наконец подумать о ребёнке.

За столом возникла та особенная тишина, которая всегда появляется, когда кто-то задаёт вопрос, не предназначенный для публичного обсуждения, но произносит его с такой уверенностью, что возразить кажется невежливым.

Мелисса посмотрела на свекровь проклинающим взглядом, но ответила сдержанно не подавая вида:

-

Мы пока не обсуждали это.

-

Вам обоим уже пора. Валериан не становится моложе.

-

К счастью, медицина в Бельмонте развита достаточно хорошо,- вмешалась Вивьен.- Иначе всем нам пришлось бы

жить в постоянном страхе перед возрастом.

Беатрис улыбнулась.

-

Разумеется. Но медицина не заменяет семью.

-

Иногда семья заменяет собой целую медицинскую карту,- сказала Серафина.

Кассандра кашлянула, скрывая смех.

Валериан положил ложку на стол.

-

Мама просто беспокоится о нашем будущем.

-

У каждого своё представление о будущем,- ответила Мелисса.

Он повернулся к жене и уточнил:

-

Что ты имеешь в виду?

-

Ничего.

-

Тогда, может быть, не стоит говорить загадками.

Мелисса выдержала его взгляд.

-

Как скажешь.

Это была короткая сцена. Большинство гостей, вероятно, не придало ей значения. В приличном обществе женщины

нередко говорили меньше, чем думали, а мужчины иногда ошибочно принимали молчание за согласие. Но Кассандра увидела, как пальцы Мелиссы сжались на салфетке.Вивьен тоже заметила. Серафина перестала улыбаться. Элоиза посмотрела на дверь, словно ей внезапно захотелось оказаться в другой комнате.

Никто из них не произнёс ни слова.

Потому что за столом сидели посторонние.

Потому что Валериан улыбался.

Потому что в Беллмонте женщины умели ждать.

И потому что каждая из них, хотя ни одна ещё не была готова признать это вслух, понимала: этот вечер не закончится обычным образом.

Последние гости уехали в десять часов.

На подъездной дорожке погасли фары последнего автомобиля. В доме стихли голоса, официанты убрали остатки десерта, а в столовой остались только белые розы, полупустые бокалы и запах вина, смешавшийся с ароматом воска.

Валериан проводил делового партнёра до двери, пожал ему руку и пожелал хорошей ночи. Затем вернулся в гостиную, где Мелисса стояла у окна.

-

Ты прекрасно справилась,- сказал он.

-

С чем?- спросила она, не оборачиваясь.

-

С ужином. С гостями. С тем, что иногда приходится делать ради семьи.

-

Я не знала, что ради семьи нужно терпеть унижение за столом.

Валериан снял пиджак и аккуратно повесил его на спинку кресла.

-

Ты преувеличиваешь.

-

Твоя мать спрашивала о ребёнке перед людьми, которых я едва знаю.

-

Она пожилая женщина. У неё старомодные представления.

-

Ты мог её остановить.

-

И превратить обычный ужин в семейную драму? Зачем?

Мелисса наконец повернулась к нему.

-

Потому что я твоя жена.

Валериан посмотрел на неё так, словно она произнесла нечто одновременно нелепое и утомительное.

-

Именно поэтому я ожидаю от тебя большего понимания.

-

Понимания чего?

-

Моего положения. Моей работы. Того, как устроена жизнь.

-

А моя жизнь?

Он вздохнул.

-

Опять.

Одно слово.

Всего одно.

Но Мелисса вдруг поняла, что слышала его сотни раз. «Опять»- когда она просила его вернуться домой раньше. «Опять»- когда спрашивала, почему он разговаривает с ней таким тоном. «Опять»- когда пыталась объяснить, что боится его, и он смотрел на неё с искренним недоумением, будто страх был ещё одной её дурной привычкой.

Валериан умел превращать любой разговор в доказательство собственной правоты. Если она плакала, значит, была слишком чувствительной. Если молчала, значит, не могла ответить. Если возражала, значит, устраивала сцену. Если пыталась уйти, значит, разрушала семью. И если оставалась, он считал это окончательным подтверждением того, что она никогда не уйдёт.

-

Я хочу, чтобы ты меня выслушал, — сказала Мелисса.

-

Я весь вечер тебя слушал.

-

Нет. Ты весь вечер разговаривал со своими гостями.

-

Потому что я был хозяином ужина.

-

А дома ты кто?

Валериан медленно повернул голову. В комнате стало тихо.

-

Что ты сказала?

Мелисса почувствовала, как сердце ударило в грудь сильнее обычного. Она знала этот взгляд. Знала, что за ним может последовать. Знала, что ещё несколько лет назад уже отступила бы, извинилась бы, попыталась бы смягчить сказанное. Но сегодня она осталась на месте.

-

Я спросила, кто ты дома, Валериан.

Он подошёл ближе.

-

Ты забыла, с кем разговариваешь.

-

Нет. Я наконец вспомнила.

Его лицо изменилось. Это произошло быстро: исчезла

светская улыбка, взгляд стал жёстким, а губы сжались в тонкую линию. Он схватил её за руку выше запястья.

-

Не смей разговаривать со мной таким тоном.

Мелисса посмотрела на его пальцы.

-

Отпусти меня.

-

Я задал тебе вопрос.

-

А я сказала: отпусти.

Он сжал руку сильнее. На мгновение они оба замерли. За окном качнулись ветви розового куста. В коридоре тикали часы. На кухне гудел холодильник.

Валериан отпустил её так резко, что Мелисса пошатнулась.

-

Ты стала совершенно невыносимой,- сказал он.

Она потёрла запястье.

-

Я устала.

-

От чего? От этого дома? От того, что у тебя есть всё, о чём другие женщины могут только мечтать?

-

Ты действительно думаешь, что у меня есть всё?

-

У тебя есть мой дом, мои деньги, моё имя.

-

А я?

Он посмотрел на неё, с полным непониманием:

-

Что- ты?

Мелисса улыбнулась. Это была маленькая, почти незаметная улыбка.

-

Ничего.

Она прошла мимо него и направилась к лестнице.

-

Мы не закончили разговор, — бросил Валериан.

-

Я знаю.

-

Мелисса.

Она остановилась на первой ступени.

-

Сегодня вечером всё закончится,- сказала она.

Он рассмеялся.Не потому, что нашёл её слова смешными. Скорее, потому, что не мог представить себе мир, в котором они имели бы какое-либо значение.

-

Не драматизируй. Завтра ты будешь жалеть, что вообще

начала этот разговор.

Мелисса посмотрела на него через плечо и невозмутимо сказала:

-

Возможно.

Затем поднялась наверх. Валериан остался в гостиной. Он налил себе виски, ослабил воротник рубашки и достал телефон. На экране появилось сообщение от неизвестного номера:

«Последний шанс»

Он прочитал его, нахмурился и удалил. Затем набрал номер помощницы.

-

Пришлите мне документы по старому фонду,- сказал он, когда она ответила.- Все документы. Включая те, которые вы не нашли в прошлый раз.

На другом конце провода наступила пауза.

-

Валериан, сейчас почти одиннадцать.

-

Я знаю, который час.

-

Я пришлю их утром.

-

Вы пришлёте их сейчас.

Он отключился. Потом долго смотрел на тёмный экран

телефона.

Валериан Вейн не верил в проклятия, предсказания и семейные легенды. Он верил в собственность, власть, компромат и страх. Он считал, что любая тайна имеет цену, а любой человек- предел, за которым он согласится на сделку.

В одиннадцать часов семь минут Мелисса написала Кассандре: «Он дома. Приезжай».

Кассандра прочитала сообщение в спальне, где Александр уже спал. Она села на край кровати и некоторое время смотрела на экран.

Затем ответила: «Сейчас?»

«Да.»

Кассандра встала. Она не стала будить мужа. Надела тёмные брюки, свитер и пальто, убрала волосы под воротник и спустилась к выходу. В прихожей задержалась перед семейным портретом Изабель Беллмонт. На этот раз ей показалось, что прабабка смотрит не на неё, а куда-то за её плечо.

Кассандра отвернулась. Она не верила в совпадения. Но ещё меньше она верила в то, что способна от них убежать.

Вивьен получила сообщение в одиннадцать двенадцать: «Пора.»

Она стояла в ванной и снимала серьги. Прочитав слово, положила их на мраморную полку и закрыла глаза. На несколько секунд ей вспомнилась другая ночь- много лет назад, другая улица, другой мужчина и младшая сестра, которая плакала на кухне, повторяя, что он разрушит её жизнь.

Вивьен тогда тоже думала, что всё ещё можно исправить. Потом перестала думать.

Она открыла шкаф, достала пальто и написала мужу, что ей нужно ненадолго выйти. Он ответил, что оставил ей ужин в холодильнике и что дети утром должны быть в школе к восьми.

Вивьен посмотрела на сообщение и ответила :

-

Хорошо.

Она всегда умела оставлять жизнь в порядке даже тогда, когда собиралась её разрушить.

Серафина закрывала ресторан, когда телефон завибрировал: «Приезжай одна.»

Она перечитала сообщение и посмотрела на часы. Последние сотрудники уже ушли, в зале горели только дежурные светильники. За окнами отражались огни улицы, а на кухне ещё сохранялось тепло печей.

Серафина набрала номер Мелиссы.

-

Ты уверена? — спросила Серафина.

-

Да.

-

Я могу приехать через двадцать минут.

-

Хорошо.

Серафина помолчала.

-

Мелисса, если ты передумала, скажи сейчас.

-

Я не передумала.

-

Ты понимаешь, что делаешь?

На другом конце провода послышался тихий вдох.

-

Да.

Серафина закрыла глаза и ответил подруга без доли сомнения в голосе:

-

Тогда я еду.

Она повесила трубку и посмотрела на собственные руки. На кухонном столе лежал тяжёлый железный кочерёжный прут, который один из поваров принёс для камина в закрытом зале. Серафина машинально взяла его, переставила к стене и выключила свет.

Она ещё не знала, что через несколько минут эта тяжёлая, ничем не примечательная вещь станет частью истории Беллмонта.Истории, которую никто не захочет рассказывать.

Элоиза получила сообщение последней: «Пожалуйста, приезжай.»

Она сидела в кабинете, разбирая старые счета, когда телефон засветился на столе. Увидев имя Мелиссы, Элоиза сразу

набрала её номер.

-

Что случилось?

-

Мне нужно, чтобы ты была здесь.

-

Сейчас?

-

Да.

Элоиза посмотрела на часы и кратко ответила:

-

Я приеду.

Она не спросила, зачем. Иногда дружба заключается не в том, чтобы понимать человека, а в том, чтобы приехать, когда он просит.

Элоиза закрыла кабинет, выключила свет в магазине и достала ключи от автомобиля. Перед выходом она остановилась у старой витрины. В стекле отражалось её лицо. За плечом, в глубине тёмного помещения, стоял незнакомый мужчина. Элоиза резко обернулась.

Никого.

Она посмотрела на витрину снова.

Отражение исчезло.

-

Не сегодня,- повторила она.

И вышла на улицу.

К полуночи дождь вернулся. Он начался незаметно, с редких капель, а затем разошёлся над Бельмонтом, словно небо наконец решило высказать всё, что весь день вынуждено было держать при себе. Вода стекала по окнам, барабанила по крыше гаража и собиралась в лужах на подъездной дорожке.

Дом Вейнов был освещён лишь частично. В гостиной горела лампа. В коридоре свет оставили включённым. Из кухни доносилось гудение холодильника, а на втором этаже, за закрытой дверью спальни, лежал на кровати открытый чемодан.

Валериан стоял у кухонного острова. Перед ним лежали несколько листов бумаги, старый конверт и фотография, на которой были изображены пять женщин возле каменного колодца. Фотография была выцветшей, края её потемнели, а лица почти невозможно было различить.

Он держал в руке телефон.

-

Ты опоздала,- сказал он, не оборачиваясь.

Мелисса стояла у двери.

-

Я здесь.

-

Это не ответ.

-

Другого у меня нет.

Валериан положил телефон на стол.

-

Ты думаешь, что можешь просто прийти сюда, устроить сцену и потребовать от меня объяснений?

-

Я ничего не требую.

-

Тогда зачем ты позвала их?

Мелисса молчала. Валериан повернулся к ней.

-

Ты действительно решила, что я не узнаю?

-

Ты узнал.

-

Конечно, узнал.

Он усмехнулся и взял фотографию.

-

Ты даже не представляешь, во что вмешалась.

-

Представляю.

-

Нет. Ты знаешь только то, что тебе рассказали. Несколько старых историй, семейные байки, женские фантазии о власти, которую якобы можно получить, если достаточно долго хранить тайну.

-

Ты ведь тоже хранил её.

Улыбка исчезла с его лица.

-

Я делал то, что требовалось.

-

Для кого?

Он шагнул к ней.

-

Ты слишком много задаёшь вопросов.

-

А ты слишком долго думал, что я не имею права их задавать.

Мелисса говорила спокойно. Не громко, не резко. Именно это раздражало Валериана сильнее всего. Он привык к её слезам, к попыткам договориться, к долгим паузам, после которых она всё-таки соглашалась с ним. Но спокойствие было новым.

А новое он не любил.

-

Ты не понимаешь, что произойдёт, если ты продолжишь,- сказал он.

-

Я понимаю гораздо больше, чем ты думаешь.

-

Ты думаешь, твои подруги спасут тебя?

Мелисса не ответила.

-

Кассандра не станет жертвовать своей семьёй ради тебя. Вивьен не захочет разрушить собственную жизнь. Серафина слишком вспыльчива, чтобы держать язык за зубами. А Элоиза вообще не отличает старые сказки от действительности.

Он улыбнулся.

-

Ты собрала вокруг себя подруг, потому что тебе хотелось почувствовать себя сильной. Но они уйдут, Мелисса. Рано или поздно все уходят.

Она посмотрела на него.

-

Возможно.

-

Ты останешься одна.

-

Возможно.

-

И что тогда?

Мелисса медленно сняла пальто и повесила его на спинку стула.

-

Тогда, Валериан, впервые за долгое время я буду одна по собственной воле.

Он смотрел на неё, не понимая. Возможно, именно в этот момент он впервые испугался. Не смерти, не полиции, не потери денег или репутации. Он испугался того, что больше не

может управлять происходящим.

За окном вспыхнула молния. Свет на кухне на мгновение стал белым, почти болезненным. На стекле отразились две фигуры- мужчина и женщина, стоявшие друг напротив друга среди безупречных поверхностей и дорогой мебели.

А затем в доме погас свет.

Не весь.

Только кухня.

Валериан выругался и потянулся к телефону.

-

Что за чёрт?

-

Не двигайся,- сказала Мелисса.

Он замер.

Из темноты донёсся звук открывающейся двери.

Потом шаги.

Один человек.

Второй.

Третий.

Валериан медленно поднял голову.

-

Кто здесь?

Никто не ответил.

Он включил фонарик на телефоне, и узкий луч света скользнул по кухне: по мраморному острову, по шкафам, по серебряной ручке ящика, по белым розам в вазе.

Затем свет остановился на женщине у входа.

Серафина. Она стояла неподвижно, мокрые волосы прилипли к вискам, а пальто было распахнуто.

-

Ты,- произнёс Валериан.

Серафина не ответила.

За ней появилась Вивьен, затем Кассандра и Элоиза.

Пять женщин.

Один мужчина.

И дом, который уже не мог защитить своего хозяина.

Валериан посмотрел на Мелиссу.

-

Что ты сделала?

Она стояла возле окна. На её лице не было ни слёз, ни торжества.

-

Я попросила их приехать.

-

Зачем?

Мелисса посмотрела на подруг. Вивьен держала руки перед собой, сцепив пальцы. Кассандра казалась неестественно бледной. Элоиза смотрела на Валериана так, словно слышала голос, которого остальные не слышали. Серафина стояла ближе всех к кухонному острову, и её взгляд был прикован к тяжёлому железному пруту, лежавшему у стены.

-

Потому что я больше не могу делать вид, что ничего не происходит,- сказала Мелисса.

Валериан рассмеялся.

-

И вы все пришли меня спасать?

-

Нет,- ответила Вивьен.

Это было первое слово, произнесённое кем-либо, кроме Мелиссы и Валериана.

Он повернулся к ней.

-

Простите?

-

Мы пришли, потому что Мелисса попросила нас.

-

И что вы собираетесь делать? Устроить мне суд? Пять женщин против одного мужчины? Вы хоть понимаете, как это выглядит?

-

Прекрасно,- сказала Серафина,- Впервые за вечер ты правильно описал ситуацию.

-

Закрой рот.

Серафина не пошевелилась.

-

Попробуй заставить.

Валериан шагнул к ней. Всё произошло слишком быстро. Мелисса выкрикнула его имя. Вивьен двинулась вперёд. Кассандра протянула руку, будто пыталась остановить событие, которое уже видела, но ещё не могла вспомнить. Элоиза отступила к двери.

Серафина схватила железный прут.

Валериан повернулся к ней.

-

Положи это.

-

Не подходи.

-

Ты не понимаешь, что делаешь.

-

Возможно,- сказала Серафина.- Но сегодня я не обязана тебя слушать.

Он двинулся вперёд.

Серафина ударила.

Удар оказался глухим, страшно обыкновенным звукомтаким, какой издаёт тяжёлый предмет, столкнувшись с чемто мягким и живым. Валериан пошатнулся, попытался удержаться за край острова, задел вазу с белыми розами, и она упала на пол. Вода растеклась по мрамору. Лепестки разлетелись в разные стороны.

Валериан сделал ещё один шаг, словно не сразу понял, что произошло. Затем его колени подогнулись, и он рухнул на

пол.

На несколько секунд никто не произнёс ни слова.

Серафина стояла с железным прутом в руке. Она смотрела на Валериана, не моргая.

-

Боже мой,- прошептала Элоиза.

Вивьен опустилась на колени рядом с телом и приложила пальцы к его шее. Её движения были точными, почти профессиональными. Она проверила пульс, затем наклонилась ближе, прислушиваясь к дыханию.

Прошла секунда.

Другая.

Вивьен подняла голову и покачала ею.

Кассандра закрыла рот ладонью.

Мелисса не двигалась.

Серафина медленно опустила железный прут на пол.

-

Я не хотела,- сказала она.

Никто не ответил.

-

Я не хотела,- повторила она, уже тише.

Вивьен поднялась.

-

Не трогайте ничего.

Она произнесла это так спокойно, что все невольно посмотрели на неё.

-

Вивьен…- начала Кассандра.

-

Я сказала: ничего не трогайте.

Её взгляд остановился на теле Валериана, затем скользнул по белому мрамору, разбитой вазе, рассыпанным розам и тёмному пятну, медленно расползавшемуся по полу. Вивьен знала, что нужно делать. И именно это знание внезапно испугало её сильнее всего.

Элоиза прислонилась к стене.

-

Он…- Она не закончила фразу.

В тишине раздался тихий звук. Словно кто-то постучал изнутри закрытого шкафа.

Элоиза резко повернула голову.

-

Вы слышали?

-

Что?- спросила Кассандра.

Элоиза не ответила. Она смотрела на тёмный проход между кухней и коридором. В глубине дома что-то тихо скользнуло по стене, оставляя после себя холодный запах сырой земли.

Затем всё стихло.

Серафина уронила руки вдоль тела.

-

Что нам делать?

Вивьен посмотрела на Мелиссу.

-

Это твой дом. Ты должна решить.

Мелисса медленно подошла к телу мужа и опустилась рядом с ним на колени. Она смотрела на его лицо- на знакомые черты, на приоткрытые губы, на человека, которого когда-то любила и которого потом боялась так долго, что перестала понимать, где заканчивается страх и начинается ненависть.

Она не плакала.

Возможно, слёзы придут позже. Возможно, не придут вовсе.

-

Я хочу, чтобы это закончилось,- сказала она.

Вивьен присела рядом.

-

Мелисса…

-

Нет. Послушай меня. Я хочу, чтобы это закончилось.

Она подняла глаза.

-

Я не хочу, чтобы он снова вошёл в эту комнату. Не хочу, чтобы завтра позвонил его адвокат и объяснил, что я должна молчать. Не хочу, чтобы его мать сказала, будто я разрушила ему жизнь. Не хочу, чтобы через неделю он стоял у моей двери и обещал, что всё изменится.

Её голос не дрожал.

-

Я не хочу больше бояться.

Кассандра медленно опустилась на стул.

Серафина смотрела на собственные руки.

Элоиза прижала ладонь к груди, словно пыталась удержать внутри что-то, рвавшееся наружу.

А Вивьен поняла, что самое страшное в этой комнате заключалось вовсе не в мёртвом мужчине.

Самое страшное заключалось в том, что каждая из них понимала Мелиссу. Не полностью. Не одинаково. Но достаточно, чтобы осознать: если бы Валериан был жив, если бы у них оставалась возможность вернуться к прежней жизни, никто из них не смог бы сделать вид, будто этот вечер ничего не изменил.

Кассандра вдруг подняла голову. Её взгляд стал рассеянным.

-

Нет,- прошептала она.

-

Что?- спросила Вивьен.

Кассандра смотрела на белые розы, лежавшие в воде.

-

Я уже видела это.

На кухне стало холоднее.

-

Когда?- спросила Серафина.

Кассандра медленно покачала головой.

-

Не знаю.

Она закрыла глаза и увидела каменный колодец.

Чёрную воду.

Белые цветы.

Пять женщин, стоящих вокруг мужчины, чьё лицо скрывала тень.

А за ними- женщину в старинном платье, которая смотрела прямо на Кассандру и беззвучно произносила слова, смысл которых та поняла лишь спустя несколько секунд.

«Вы обещали».

Кассандра распахнула глаза.

-

Нам нужно уходить,- сказала она.

-

Мы не можем просто оставить его здесь,- ответила Вивьен.

-

Я знаю.

-

Тогда что ты предлагаешь?

Кассандра посмотрела на Мелиссу.

Мелисса поднялась. Впервые за весь вечер на её лице появилось выражение, которое можно были принять за страх.

Но это был не страх перед мёртвым мужем, не страх перед полицией и не страх перед тем, что теперь произойдёт. Она боялась того, что начнётся после.

-

Сначала,- сказала Мелисса,- мы должны решить, что расскажем.

Никто не возразил. Потому что именно в этот момент каждая из них поняла: убийство уже произошло, но история ещё не закончилась.

За окнами дождь продолжал стучать по стеклу. В соседнем доме погас свет. На каминной полке остановились старые часы.

А где-то далеко, в самом старом здании Бельмонта, за закрытой дверью комнаты, куда не пускали посетителей, с тихим щелчком распахнулся ящик письменного стола.

Внутри лежал пожелтевший лист бумаги с именами пяти женщин.

Под ними была выведена одна строка:

«Когда умрёт мужчина, который держит ключ, долг вернётся к женщинам»

И ниже — дата.

Та самая дата, которую Кассандра Бельмонт с детства боялась увидеть во сне.

Валериан Вейн был мёртв.

Но Беллмонт только начинал просыпаться.

Глава 6 « в доме Вейнов не плачут»

В Бельмонте существовало одно правило, которое не было записано ни в городском уставе, ни в семейных хрониках, ни даже в тех толстых книгах о хороших манерах, что передавались от матерей к дочерям вместе с жемчужными ожерельями и привычкой не говорить о деньгах за столом. Если в доме случалось несчастье, следовало прежде всего позаботиться о том, чтобы соседи не узнали об этом раньше, чем вы успеете выбрать подходящую одежду.

Именно поэтому исчезновение Валериана Вейна поначалу вызвало в городе не столько тревогу, сколько множество деликатных вопросов.

Где он?

Когда его видели в последний раз?

Почему не отвечает на телефон?

И, наконец, вопрос, который в Бельмонте всегда задавали последним, хотя думали о нём первым: что же теперь будет с его женой?

Мелисса Вейн не выходила из дома два дня. За окнами её спальни медленно сменялись серые утра и дождливые вечера. На прикроватной тумбе стояла чашка давно остывшего чая, рядом лежал телефон, а на кресле у окна всё ещё висело синее платье, которое она надела в последний вечер мужа. Она не убрала его в шкаф..Не потому, что не могла заставить себя прикоснуться к ткани, и не потому, что надеялась однажды надеть его снова. Просто платье лежало там, где она оставила его, и Мелисса пока не видела причин менять по-

ложение вещей.

В доме вообще многое осталось прежним. Белые розы в саду продолжали цвести. Садовник приходил по расписанию. Посудомоечная машина работала, холодильник тихо гудел, а автоматическая система отопления поддерживала температуру, которую Валериан считал идеальной для зимы и совершенно недостаточной для осени.

Только самого Валериана не было.

И с каждым часом его отсутствие становилось всё менее похожим на командировку, задержку или внезапно возникшую деловую проблему.

К утру третьего дня Беатрис Вейн решила, что достаточно проявляла терпение. Следует признать, терпение никогда не было её сильной стороной. Она умела ждать, если ожидание приносило выгоду, но не переносила неопределённости, особенно когда та затрагивала её собственность. А Валериан, при всех своих недостатках, оставался её сыном.

Единственным сыном.

Наследником фамилии, продолжателем семейного дела и человеком, ради которого Беатрис в течение сорока четырёх лет исправляла чужие ошибки, оплачивала чужие долги, заминала чужие скандалы и не позволяла никому забыть, кому именно в семье принадлежит последнее слово.

Она любила сына.

По-своему.

Так, как некоторые люди любят дорогие вещи: тщатель-

но оберегают их от чужих рук, раздражаются при малейшем повреждении и искренне не понимают, почему окружающие не испытывают к ним такого же благоговения.

Валериан был её гордостью.

И теперь он исчез.

А его жена почему-то не выглядела женщиной, потерявшей мужа.

Беатрис приехала в половине одиннадцатого. Её чёрный автомобиль остановился перед парадным входом без единого лишнего движения. Водитель вышел первым, обошёл машину и открыл дверь. Беатрис появилась на ступенях в тёмно-синем пальто, перчатках из тонкой кожи и широкополой шляпе, которую можно было бы счесть траурной, если бы не тот факт, что она не считала сына умершим. В её возрасте, полагала Беатрис, не следовало предаваться худшим предположениям прежде, чем они станут неизбежными.

-

Подождите здесь,- велела она водителю.

-

Да, миссис Вейн.

Беатрис поднялась по ступеням и нажала на звонок. Дверь открыла домработница.

-

Доброе утро, миссис Вейн.

-

Где Мелисса?

Женщина замялась.

-

Наверху, сэр... простите, миссис. Она не очень хорошо себя чувствует.

Беатрис посмотрела на неё так, словно та только что сообщила, что в доме закончилась питьевая вода.

-

Я не спрашивала, как она себя чувствует. Я спросила, где она.

-

В своей спальне,- отчеканила домработница.

-

Хорошо.

Беатрис сняла пальто, передала его домработнице и прошла в дом. Она не нуждалась в приглашении. Она вообще редко считала необходимым ждать разрешения войти туда, где, по её мнению, имела право находиться.

Дом встретил её привычной тишиной. В холле пахло полированным деревом и свежими цветами. На столике лежала почта, аккуратно разложенная по конвертам. На стене висел портрет Валериана, сделанный несколько лет назад: он стоял на террасе в белой рубашке, с бокалом в руке, улыбаясь фотографу с той непринуждённостью, которую особенно ценили люди, никогда не видевшие его в плохом настроении.

Беатрис задержала взгляд на портрете.

-

Где же ты, мальчик мой?- едва слышно произнесла она.

В её голосе впервые за несколько дней появилась настоящая боль. Но стоило ей подняться по лестнице и увидеть Мелиссу, как боль снова уступила место раздражению.

Мелисса сидела в гостиной второго этажа у окна. На ней были светлые брюки и серый кашемировый свитер, волосы свободно лежали на плечах. Перед ней стояла чашка кофе, к которой она почти не притронулась.

Она подняла глаза, когда свекровь вошла.

-

Беатрис.

-

Мелисса.

Ни объятий, ни поцелуя в щёку. В их отношениях подобные проявления тепла никогда не были обязательными, но раньше обе хотя бы делали вид, что соблюдают правила. Теперь притворство показалось Беатрис излишним.

-

Где мой сын?

Мелисса медленно поставила чашку на блюдце.

-

Я не знаю.

Беатрис смотрела на неё несколько секунд.

-

Что значит- не знаешь?

-

Это значит, что Валериан исчез.

-

Не смей повторять мне газетные формулировки. Я приехала не для того, чтобы слушать новости из чужих уст.

-

Тогда зачем вы приехали?

Вопрос прозвучал спокойно.

Слишком спокойно.

Беатрис сняла одну перчатку, затем вторую, аккуратно положила их на столик и села напротив невестки.

-

Потому что ты его жена.

-

Я помню.

-

Тогда объясни мне, как получилось, что твой муж исчез из собственного дома, а ты сидишь здесь и пьёшь кофе так, словно он отправился на выходные в загородный клуб,- миссис Вейн постепенно теряла самообладание.

Мелисса посмотрела в окно. В саду работал садовник. Он наклонился над кустом роз, срезал несколько сухих веток и положил их в корзину.

-

Я не думаю, что разговор в таком тоне нам поможет.

-

Каком тоне?

-

В обвинительном.

Беатрис коротко рассмеялась.

-

Обвинительном? Милая моя, если бы я действительно собиралась обвинять тебя, ты бы уже разговаривала с адвокатом.

-

Возможно, это было бы даже проще.

В комнате повисла тишина. Беатрис медленно повернула голову.

-

Что ты сказала?

Мелисса встретила её взгляд.

-

Я сказала, что, возможно, разговор с адвокатом оказался бы проще.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.